ПРОЗА.

ПРОГУЛКА ПО БЕССАРАБІИ.

Сія пустынная страна
Священна для души поэта:
Она Державинымъ воспѣта
И славой русскою полна!

Пушкинъ.

— Да кто вы? Ужъ не тотъ ли знаменитый норвежскій скороходъ, который, говорятъ, прогуливался изъ Мюнхена въ Наполи-ди-Романья, изъ Константинополя въ Калькутту, и теперь, по увѣренію газетъ, сбирается сдѣлать прогулку — изъ Христіаніи въ Пекинъ? — «Прогулка по Бес-

сарабіи» — легко молвить! — Бессарабія не какой нибудь Елагинъ островъ, или Марьина роща. Бессарабія — цѣлая, обширная сторона, въ которой насчитывается больше 20,000 квадратныхъ верстъ, по самому скромному исчисленію. Въ Европѣ есть королевства гораздо меньше; а сколько великихъ герцогствъ, которыя Бессарабіи не годятся и въ цинуты!

Увы! Я вовсе не Эрнестъ Мензонъ, про котораго разсказываютъ вамъ такія чудеса, напоминающія блаженное время семимильныхъ сапоговъ и ковра самолета. Я даже такой плохой скороходъ, что, во всей точности буквальнаго смысла, не обгоню черепахи! Древніе мудрецы, вмѣсто того, чтобъ кощунствовать славною памятью быстроногаго Ахиллеса, могли бы поставить мое имя въ тотъ знаменитый софизмъ, которымъ они опровергали движеніе; и, къ удивленію ихъ самихъ, вышла бы не ложь, а сущая истина. Спросите объ этомъ не въ Одессѣ: здѣсь меня мало видятъ. Спросите въ Царскомъ селѣ, или въ Москвѣ на Смоленскомъ рынкѣ; спросите на Салгирѣ въ Кучукъ-Джинъ-Софу, или въ Харьковѣ за Лопанью; спросите въ Вильнѣ на Антоколѣ, въ Керчи на Митридатовой горѣ; справьтесь даже въ Черновцахъ, по нѣмецки Czernowitz, если вы больше вѣрите Нѣмцамъ, — справьтесь, напримѣръ, въ Діанен-Бадѣ, или у фактора Маркуса. Тамъ дол-

жна быть въ свѣжей памяти моя прыть; тамъ показывалъ я себя недавно — и даромъ...

Не смотря на то, я точно «гулялъ» по Бессарабіи. Какъ же иначе велите назвать экскурсію, въ которой, въ продолженіе какихъ нибудь двухъ недѣль, пролетѣлъ я отъ Измаила до Хотина, отъ Леова до Бендеръ? — Гуляютъ не только пѣшкомъ, гуляютъ и верхомъ, почему жъ не гулять въ коляскѣ? — *Конецъ концовъ* — я «прогулялся» только по обширной Бессарабской области, и хотя изъѣздилъ ее по всѣмъ направленіямъ, вдоль и поперегъ, но не хочу морочить православный народъ, выдавая себя за «путешественника». Не угодно ли и другимъ прочимъ «прогуляться» за мной воображеніемъ? Бессарабія такая сторона, что въ ней на лету можно схватить много любопытныхъ впечатлѣній, соединяющихъ съ разнообразіемъ прелесть новости. Если я не съумѣю передать ихъ въ той занимательности, какую они имѣли для меня, это значитъ, я не мастеръ гулять по бумагѣ; вѣрно перо мое также плохо, какъ ноги!...

—

Прошлая весна, по видимому, вовсе не предвѣщала того знойнаго, огнедышущаго лѣта, которое даже въ Петербургѣ угрожало высушить до дна бездонныя болота. Она стала очень поздно

Въ концѣ марта, Одесса праздновала Пасху, опоясанная льдами. Весь апрѣль, погода была ясная, но суровая. Постоянно дули сухіе холодные вѣтры. Дождя хоть бы капелька. Грустно глядѣли нагія деревья, мучась не разраждающимися почками; въ завѣтный Егорьевъ день на нихъ не было листа и въ полушку, какъ бываетъ иногда подъ Москвой. Черствая степь едва опушалась блѣдною, тощею зеленью.

Таково было положеніе доброй матери природы, когда мы собрались въ Бессарабію. Положеніе для насъ вовсе не обидное! Такъ бываетъ обыкновенно на свѣтѣ: однимъ дурно, другимъ хорошо, и обратно. Намъ совсѣмъ не нужно было дождя, который могъ только испортить гладкую скатерть степныхъ дорогъ, взмѣсить на ней калужское тѣсто вязкой степной грязи. А холодъ?... Будто мы не потомки геродотовыхъ Невровъ, которые такъ ловко превращались въ мохнатыхъ волковъ, при появленіи въ воздухѣ гиперборейскаго серебрянаго пуха!...

Мы выѣхали изъ Одессы 29 апрѣля, утромъ. Таможенные аргусы — Богъ имъ судья! — перещупали всѣ ребра нашей коляски. Впрочемъ спасибо и за то, что истязаніе скоро кончилось. Черезъ какіе нибудь полчаса, мы уже мчались по овидіопольскому тракту.

Отъ Одессы до Овидіополя считается 36 верстъ, составляющія одинъ почтовый перегонъ. Дорога

отдѣляющаяся отъ большой тираспольской, влѣво, у самой таможни, идетъ чистою степью, слегка изрытою разлогими, неглубокими балками. Моря нигдѣ не видно; направленіе дороги постепенно отклоняется отъ него все дальше и дальше.

На 12 верстѣ отъ города, церковь, довольно красивой архитектуры, обратила наше вниманіе. Я хотѣлъ знать, что это за селеніе. Мнѣ отвѣчали, что это еще Одесса, или, если угодно, предмѣстіе Одессы, называемое Татарка. Вотъ почему въ Одессѣ считается до 70,000 жителей. Къ ней причисляются всѣ окрестные хутора, деревни и селенія. Первая станція по тираспольской дорогѣ, большое село Дальникъ, до котораго платится прогоновъ за 15 верстъ, все еще Одесса!

Въ 20 верстахъ, уже за чертою города и градоначальства, въ уѣздѣ, лежитъ прекрасная нѣмецкая колонія Либенталь. Дорога разрѣзываетъ ее поперегъ. Она имѣетъ наружность совершенно иностранную. Маленькіе, чистенькіе домики, разбросанные въ живописномъ безпорядкѣ по дну широкой балки, тонутъ въ густотѣ садовъ, выращенныхъ истинно нѣмецкимъ терпѣніемъ. Жители, не говоря уже о физіономіи и климатѣ, сохраняютъ свой отечественный костюмъ, слегка оттѣненный необходимыми уступками здѣшнему, хотя и южному, климату.

Верстъ за 5 открывается широкое, величественное зеркало днѣстровскаго лимана, и надъ нимъ,

по ту сторону, Аккерманъ съ своими высокими башнями. — Гдѣ жъ Овидіополь? спрашивалъ я нетерпѣливо. — Будетъ, отвѣчалъ сухо ямщикъ, понукая пріуставшихъ коней. — Вскрай лимана, по сю сторону, торчалъ какой-то одинокій шестикъ; онъ началъ расти, расти, и наконецъ выросъ цѣлою колокольнею. Мы подъѣхали къ самому лиману. Овидіополь лежалъ у насъ подъ ногами.

Восточный, собственно новороссійскій, берегъ лимана высокъ, и круто обрывается почти надъ самымъ водоемомъ. Подъ нимъ то, глядясь смиренно въ пышное зеркало волнъ, покоится Овидіополь. Еще съ полугоры начинается улица, которая шириною можетъ поспорить съ Невскимъ проспектомъ. Длина ея совершенно равна этой величавой ширинѣ, такъ что вся улица имѣетъ видъ правильнѣйшаго квадрата. Поворачивая тотчасъ влѣво, она приводитъ васъ немедленно къ гавани. Тутъ стоитъ церковь, бѣлокаменная, довольно опрятной наружности. Вдоль берега тянется вереница хатъ, маленькихъ, сѣренькихъ, точно стадо дикихъ утокъ, спугнутое съ лимана. Впрочемъ это не весь еще Овидіополь. По вольности степныхъ селеній, которыя любятъ просторъ, онъ раскидывается широко, на необозримое глазомъ пространство. Однако на этомъ необозримомъ пространствѣ всего на все насчитывается немного больше трехъ сотъ домовъ и трехъ тысячъ жителей.

Какимъ чудомъ имя знаменитаго поэта классической древности могло прильнуть къ этой коллекціи мазанокъ и землянокъ, населенной всякимъ сбродомъ племенъ и лицъ, нарѣчій и одеждъ? — Извѣстно, что опальный любимецъ Августа былъ сосланъ въ древнюю Мизію, которая никогда не простиралась по сю сторону Дуная. Пространство между Истромъ и Тирасомъ, между Дунаемъ и Днѣстромъ, было тогда наполнено Гетами и Сарматами, не перепускавшими хищныхъ орловъ Рима въ свои вольныя степи. Овидій хвастался, что его муза, выучившаяся на досугѣ языку варваровъ, нашла доступъ къ ихъ грубымъ сердцамъ, что онъ пѣлъ для нихъ пѣсни, сложенныя на римскій ладъ изъ ихъ родныхъ звуковъ, и что «безчеловѣчные» дикари, въ избыткѣ чувствъ, признали и провозгласили его своимъ піитой.

Если все это правда, то, по вѣроятности, ежели не тождества, то, по крайней мѣрѣ, близкаго родства древнихъ Гетовъ и Сарматовъ съ нашими предками, мы могли бы начать лѣтопись нашей поэзіи не съ соловья Баяна, а съ горемычной кукушки Овидія. — Все это однако не имѣетъ никакого отношенія къ Овидіополю. Городъ Томы, куда сосланъ былъ Овидій, очевидно былъ не здѣсь. Сомнительно даже, чтобы когда нибудь, хоть издали, хоть изъ-за лимана, бѣдный поэтъ, состоявшій подъ надзоромъ томской полиціи, могъ

видѣть этотъ клочекъ дальней степи, украшающійся теперь его именемъ. Просто, ученый капризъ былъ причиною, что ничтожная деревушка Хаджидеръ, прозябавшая здѣсь во время турецкаго владычества, перекрещена въ Овидіополь. Когда россійская имперія раздвинула предѣлы свои до Днѣстра, карта новоприобрѣтенныхъ степей была совершенно голая; чтобы наполнить ее, прибѣгли къ древнимъ классическимъ преданіямъ: воскресли знаменитыя имена Херсона, Ольвіи, Тираса, Одиссоса. Работа кипѣла; не когда было пускаться въ слишкомъ глубокія изслѣдованія; не требовалось и не предстояло надобности, чтобы древнія имена пришлись точь-въ-точь на своихъ мѣстахъ: Херсонъ очутился на Днѣпрѣ; Ольвія подвинулась на полтараста верстъ выше по Бугу; Одиссосъ переѣлъ на мѣсто древняго пристанища Истріапъ: Тирасъ перебрался по сю сторону Днѣстра. Тутъ припомнился и Овидій: ему указали жительствовать въ Хаджидерѣ! И по дѣломъ! Это самое благороднѣйшее мщеніе, какое только могли придумать потомки Сарматовъ и Гетовъ для ругателя, позорившаго на весь свѣтъ ихъ храбрыхъ предковъ.

Овидіополь назначался быть не на шутку «городомъ». Въ немъ сооружена была крѣпость, которой остатки виднѣются еще и теперь на высотѣ берега, вверхъ по теченію Днѣстра, за балкой. Тутъ же находились карантинъ, таможня и дру-

гія пограничныя учрежденія. «Городъ Овидія» поставленъ былъ стражемъ Россіи, въ то время какъ Днѣстръ служилъ ей предѣломъ. Мы не имѣли ни времени, ни охоты, смотрѣть на развалины овидіопольской крѣпости. Впрочемъ, судя по виду издали, это былъ карточный домикъ въ сравненіи съ противолежащею грозною твердынею Аккермана. Но не въ каменьяхъ сила. Кто-то говорилъ, что одной шляпы Наполеона, вздѣтой на палку, достаточно бъ было, чтобъ переполошить всю Европу: такое жъ магическое дѣйствіе на Турковъ имѣлъ двуглавый русскій орелъ, развѣвавшійся надъ карточнымъ домикомъ Овидіополя. И зачѣмъ было трудиться напрасно? Россія чувствовала, что здѣсь не для-чего заводиться въ прокъ, что тутъ только временная для ней стоянка, краткій отдыхъ. Она прорвалась за Днѣстръ, прежде нежели овидіопольскія мазанки успѣли окрѣпнуть. Дружка Аккерману не имѣлъ бы времени и выстроиться.

Мы пробыли въ Овидіополѣ не долго; и это было большое счастіе. Пришлось бы иначе воскресить жалобный плачъ Овидія, хоть прозой, за неумѣніемъ рыдать стихами. Въ городѣ пріютиться рѣшительно не гдѣ. Единственное зданіе, имѣющее видъ дома, есть присутственное градское мѣсто. Подлѣ него отличается еще отъ прочихъ хатъ, обширностью и бѣлизною стѣнъ, приходское училище. Къ чести овидіопольскихъ граж-

данъ должно сказать, что они – да утѣшится тѣнь Овидія, – на свой собственный счетъ содержатъ аристарха, который посвящаетъ любознательное юношество въ таинства россійской грамоты. Признаюсь, что чистотою и порядкомъ этого скромнаго преддверія къ храму музъ, «градъ Овидія» перещеголяетъ многихъ изъ своихъ русскихъ собратій. А онъ, замѣтьте, городъ такъ, только по имени, городъ безуѣздный, — заштатный. Все правительство его совмѣщается въ одномъ полицейскомъ чиновникѣ, который есть и городничій, и голова, и бургомистръ, и ратманъ, однимъ словомъ — всѣ и все въ городѣ. Благодаря всеобъемлющему единовластителю Овидіополя, мы не испытали здѣсь никакой задержки въ отношеніи къ перевозу черезъ лиманъ, хотя обстоятельства расположились было вовсе не въ нашу пользу. Перевозъ производится посредствомъ четырехъ лодокъ, изъ которыхъ двѣ принадлежатъ Овидіополю, другія двѣ Аккерману. Когда мы пріѣхали, ни одной овидіопольской лодки не было на этой сторонѣ; послѣдняя только-что отчалила отъ берега съ пассажирами, упредившими насъ какимъ нибудь получасомъ. Довелось бы сочинить не одну элегію, если бъ дожидаться ихъ возврата. Но могучій единопачальникъ Овидіополя задержалъ аккерманскую лодку, которая сбиралась ѣхать назадъ порожнею, и, не смотря на оппозицію шкипера, который возражалъ, что лодка

его слишкомъ мала для нашей коляски, повелѣлъ — и мы отправились. . . .

Перевозъ считается въ 9 верстъ казенной мѣры. Такъ и должно быть по прямой линіи отъ Овидіополя до Аккермана. При попутномъ вѣтрѣ переѣздъ, говорятъ, дѣлается въ три четверти часа, не больше. Намъ вѣтеръ былъ не попутный, но и не прямо противный, а боковой. Въ слѣдствіе того, мы должны были прежде спускаться долго внизъ, вдоль берега, чтобы стать подъ вѣтеръ: такъ шли мы версты 4, на шестахъ; послѣ чего вздернули парусъ, и пустились перебивать лиманъ поперекъ. При такомъ кругѣ пришлось намъ сдѣлать не 9 верстъ, а гораздо побольше; оттого мы и ѣхали часа три съ половиною. Но все это было еще — слава Богу! Въ иной разъ бьются сутки, и болѣе. Ѣхать двѣнадцать, четырнадцать и шестнадцать часовъ, вовсе не считается рѣдкостью. Послѣдняя передъ нами почта скиталась по лиману больше полусутокъ. Вѣтры здѣсь и сильны и измѣнчивы, такъ что не рѣдко случается поѣхать съ однимъ и на половинѣ переѣзда встрѣтить другой, совершенно противный: лодка носится взадъ и впередъ, не имѣя возможности прибиться ни къ тому, ни къ другому берегу. Какъ же послѣ того не благословлять правительство, учреждающее здѣсь постоянное пароходное сообщеніе! Новый огнедышущій «Арго», украшенный добровѣщимъ име-

немъ «графа Воронцова», скоро явится положить предѣлъ этому своевольству буйной челяди Эола.

Какъ ландшафтъ, лиманъ представляетъ картину истинно величественную. Это не рѣка, а обширное, великолѣпное озеро, если не отрывокъ моря. Вверхъ по теченію, глазъ не видитъ предѣла массѣ водъ, сливающихся съ горизонтомъ. Ниже она свертывается нѣсколько уже, и становится болѣе похожею на рѣку, но какую рѣку? Это скорѣе проливъ, соединяющій два моря. Берега съ обѣихъ сторонъ голы: тѣмъ рѣзче обрисовывается на нихъ Аккерманъ съ своими обширными окрестностями; тѣмъ замѣтнѣе и скромный, одинокій Овидіополь. Впрочемъ, при такой картинѣ рамы почти забываются.

Чудно это превращеніе Днѣстра, который весьма недалеко струится еще простою, обыкновенною рѣкою. Село Чигири, считающееся предмѣстіемъ Аккермана и находящееся верстахъ въ 4 выше крѣпости, лежитъ почти противъ устья настоящей днѣстровской трубы, тоненькой змѣйкой пробирающейся сквозь лѣсъ камышей или такъ называемыя здѣсь «плавни». Устье это неприметно, потому что по обѣ его стороны лиманъ углубляется далеко вверхъ обширными заливами: лѣвый изъ нихъ, по новороссійскую сторону, называется «Горкольскимъ» и имѣетъ въ длину до 5, въ ширину до $1^1/_2$ версты; правый, на бессарабской сторонѣ, еще длиннѣе и шире. Этотъ по-

слѣдній служитъ вмѣстѣ устьемъ для двухъ побочныхъ рѣчекъ, параллельныхъ почти днѣстровской трубѣ, которыя называются Ганзя и Турунчукъ. Рѣчка Ганзя вовсе ничтожная. Турунчукъ больше ея: онъ имѣетъ при устьѣ до $2^1/_2$ саженъ глубины на 4 саженяхъ ширины, чѣмъ перещеголялъ и самый Днѣстръ, глубина котораго при входѣ въ лиманъ простирается только на $2^1/_2$ фута. Въ слѣдствіе того путь судамъ въ днѣстровскую трубу проложенъ черезъ Турунчукъ, который для того соединенъ съ нею каналомъ, извѣстнымъ подъ именемъ «Поповскаго», оттого что первый вырылъ его попъ, истинный преемникъ апостоловъ, для рыбной ловли. Но и этотъ соперникъ Днѣстра, то есть, Турунчукъ, имѣетъ всего теченія не больше какъ на 8 верстъ. Откуда жъ берется, чѣмъ питается такая обширная масса водъ, каковъ Днѣстровскій лиманъ? —

Это отличительная черта не одного Днѣстра, но всѣхъ здѣшнихъ рѣкъ, въ большей или меньшей степени. Посмотрите, напримѣръ, на Бугъ и на Ингулъ: что они въ Вознесенскѣ и въ Елисаветградѣ, и что подъ Николаевымъ! Туземцы называютъ эти колоссальныя расширенія рѣкъ, обыкновенно случающіяся передъ ихъ устьемъ, вообще «лиманами». Ясно, что это испорченное греческое «λίμνη» — «озеро», или лучше «болото». Но вотъ что должно принять къ свѣдѣнію. «Лиманами» называются здѣсь не одни только широкія

устья рѣкъ, но и просто озера, совсѣмъ не проточныя, лишь бы только они находились близъ моря, или даже близъ русла большой рѣки, вливающейся въ море. Такихъ «лимановъ» здѣсь безчисленное множество. Тѣ изъ нихъ, которые находятся при морѣ, имѣютъ и воду большей частью соленую; отъ моря же отдѣляются обыкновенно узкими песчаными перешейками, которые вообще носятъ здѣсь имя «пересыпей»: такова именно «пересыпь», давшая мѣсто и имя нынѣшнему предмѣстію Одессы, которое лежитъ между заливомъ и лиманами, славящимися цѣлебною силою своихъ водъ и грязей. Значитъ — и это заключеніе основывается не на одномъ словопроизводствѣ, но и на прочихъ мѣстныхъ соображеніяхъ — значитъ, говорю, нынѣшніе прибрежные водоемы, называемые «лиманами», составляли нѣкогда часть моря, были его заливами, и, впослѣдствіи, при замѣчаемомъ вообще постепенномъ упадкѣ водъ на земномъ шарѣ, «пересыпались» и отдѣлились. Есть даже основательныя причины предполагать, что они въ свое время служили устьями для рѣкъ, которыя теперь пересохли, оставя впрочемъ замѣтные слѣды въ длинныхъ, непрерывныхъ балкахъ, по которымъ донынѣ вешняя вода сбѣгаетъ бурными, сердитыми потоками: таковы были, конечно, Аксіакъ, Офіусса и другія скиѳскія рѣки, которыхъ теперь ученые напрасно ищутъ по сѣвернымъ берегамъ Чернаго моря.

Если жъ такъ, то и Днѣстровскій лиманъ долженъ принадлежать къ той же категоріи, имѣть то же происхожденіе. Теперь, и при его соединеніи съ моремъ, которое называется турецкимъ именемъ «Бугасъ» — «Горло» — находится уже песчаная «пересыпь». Она еще не пересыпала всего лимана: остаются двѣ жилы, которыми масса лиманскихъ водъ все еще продолжаетъ изливаться въ море. Но что̀ значатъ эти жалкіе протоки? Правый изъ нихъ, называемый «Стамбульскимъ Гирломъ» или собственно «Бугасомъ», имѣетъ въ ширину 150 саженъ, въ глубину около 26 футовъ; лѣвый, или «Гирло Очаковское», и того меньше, шириной до 70 саженъ, глубиной отъ 18 до 5 футовъ. Между тѣмъ «пересыпь» высыпалась уже промежъ нихъ островомъ въ $3^3/_4$ версты длиною и въ $^1/_2$ версты шириною. Такъ, вѣрно, не было во времена оны! Что сообщеніе съ моремъ было здѣсь гораздо свободнѣе, тому доказательствомъ служитъ лиманъ, называемый теперь «Будацкимъ» (правильнѣе кажется Буджацкимъ), который, при 2 или 3 верстахъ ширины, простирается на 17 верстъ въ длину, вскрай моря, по правую сторону Стамбульскаго Гирла. Этотъ лиманъ на всемъ своемъ протяженіи отдѣляется отъ моря узенькою полоскою, имѣющею въ ширину отъ 5 до 25 саженъ. Къ лиману Днѣстровскому онъ приближается иногда саженъ на 40, не отступая нигдѣ дальше 150 саженъ; и этотъ

промежутокъ такъ непрочно преграждаетъ оба водоема, что ничего не стоило соединить ихъ безчисленнымъ множествомъ «эриковъ» или канавъ, по которымъ изъ лимана въ лиманъ переманивается кефаль, извѣстная черноморская рыба, для того, чтобы на перепутьѣ попадаться въ сѣти. Съ лиманомъ Будацкимъ соединяется еще другой, называемый Кимбетскимъ, направленіемъ почти параллельный Днѣстровскому: вода въ немъ соленая. Все это не явно ли было нѣкогда одною сплошною массою волнъ, однимъ огромнымъ «лиманомъ», одною морскою губою, которою поглощался Днѣстръ? Когда это было, не извѣстно. Вѣроятно однако, что Днѣпровскій лиманъ былъ гораздо полноводнѣе, слѣдовательно и шире, въ то время, какъ древніе Греки завели на немъ свою колонію, мѣсто которой, по всѣмъ соображеніямъ, занимается нынѣ Аккерманомъ. Теперь отсюда до моря считается около 18 верстъ. Какъ ни хвастались древніе потомки Эллина своимъ молодечествомъ и удальствомъ, все же трудно повѣрить, чтобъ они отважились забраться такъ далеко въ глубь края, который не даромъ слылъ у нихъ подъ именемъ «Негостепріимнаго», по такимъ узкимъ гирламъ, какъ нынѣшнія, которыя ничего не стоило перехватить горсти вооруженныхъ варваровъ, съ тѣмъ, чтобъ запереть ходъ въ море и изъ моря. Притомъ, ни одинъ изъ ихъ землеописателей не упоминаетъ объ этихъ двухъ гир-

лахъ. Значитъ, тутъ было одно только широкое горло, одинъ большой заливъ, отпахнувшійся прямо отъ моря. При такомъ положеніи, конечно и настоящая труба Днѣстра, предъ впаденіемъ въ лиманъ, была многоводнѣе. Нынѣшній Турунчукъ, вѣрно, не былъ отдѣльною рѣчкою, но рукавомъ главнаго русла. Самое имя его должно, кажется, означать — «маленькій Днѣстръ» или «Днѣстрикъ». Главная днѣстровская труба называется донынѣ у туземцевъ «Турла»: имя, изъ котораго, безъ сомнѣнія, древніе Греки составили свое «Тирасъ», произносимое «Тюрасъ» или «Турасъ», которое должно быть и теперь скрывается въ наименованіи «Днѣстръ» — «*Danastris*». Турунчукъ — маленькая Турла! — Не такъ ли точно подобные рукава у Волги называются Волжками или Волошками? —

Теперь Днѣстровскій лиманъ уже почти озеро. Вода въ немъ сладкая. Теченіе медленно. Туземцы полагаютъ, что настоящая струя Днѣстра идетъ въ лиманѣ по западному, бессарабскому, берегу, къ которому принадлежитъ и главное, Стамбульское, горло. Въ самомъ дѣлѣ, тамъ и больше теченія, и фарватеръ глубже. Довольно глубоко и у восточнаго берега. Но середина лимана очень мелка: мѣстами она проросла уже камышемъ. Зимою весь лиманъ замерзаетъ, такъ что можно ѣздить по льду съ берега на берегъ. Впрочемъ ледъ никогда не бываетъ толстъ, и

безпрестанно лопается большими трещинами. Это не пугаетъ обрусѣлаго уже народа: гдѣ трещины очень широки, тамъ бросаютъ доски, которыя всякой беретъ съ собою про-запасъ, и по нимъ, какъ по живому мосту, переѣзжаютъ черезъ зіяющія пропасти; большею же частію разгоняютъ лошадей и заставляютъ ихъ съ размаху перескакивать черезъ щели. Осторожная почта ѣздитъ въ это время черезъ Тирасполь и Бендеры, и такимъ образомъ отъ Одессы до Аккермана, вмѣсто 45, дѣлаетъ 217 верстъ.

Но боюсь задержать васъ на Днѣстрѣ долѣе, чѣмъ онъ задержалъ насъ. Вотъ пристань, подъ сѣнію грозныхъ бойницъ Аккермана! Поспѣшимъ на берегъ — привѣтствовать обѣтованную страну Бессарабіи . . .

«Спѣшите медленно» — говоритъ мудрое изреченіе древности. Если старинные философы, хаживавшіе обыкновенно пѣшкомъ и носившіе все свое за плечами, держались этого золотаго правила; то тѣмъ болѣе оно должно имѣть силу въ наши времена для тѣхъ, которые, вовсе не по философски, скачутъ гулять въ Бессарабію на почтовыхъ. Какъ нарочно для обузданія вашей нетерпѣливости, при первомъ шагѣ на берегъ Бессарабіи вы встрѣчаете запятую. Почтовая станція находится за Аккерманомъ, на степи, верстахъ въ 3 отъ пристани. Надо посылать туда за лошадь-

ми, и пока приведутъ ихъ — дожидаться смиренно подъ горою, составляя предметъ любопытнаго созерцанія для аккерманскихъ жителей, которые толпами выходятъ любоваться на новоприбывшихъ гостей. Мы покорились уставу края: только, вмѣсто того, чтобъ сидѣть подъ горой, оставили тамъ одну коляску, а сами взобрались на гору, то есть, на верхъ берега, на которомъ стоитъ Аккерманъ.

Было около четырехъ часовъ по полудни. Погода стояла вѣтреная, но ясная. Пышно катилось весеннее солнце юга по безоблачному небу. Склоняясь къ западу, оно скользило своими лучами по зеркалу лимана, который, перехватывая и дробя ихъ слегка волнующимися зыбями, горѣлъ исполинскимъ фейерверкомъ безчисленныхъ разноцвѣтныхъ огней. Въ этомъ морѣ блеска, мелкая живопись лачужекъ, изъ которыхъ составляется городъ Аккерманъ, показалась намъ еще мельче. Но тѣмъ величественнѣе обрисовывалась грозная аккерманская твердыня. Мы находились въ такомъ разстояніи отъ ней, что глазъ обхватывалъ всю ея длину. Впрочемъ это не лучшая сторона крѣпости въ живописномъ отношеніи. Вы видите только длинную, высокую, почти глухую стѣну, изрѣдка перехватываемую башнями. Наилучшій видъ съ лимана, къ которому обращены ея главнѣйшія укрѣпленія, гдѣ тройной оплотъ стѣнъ и бойницъ спускается къ самымъ волнамъ колоссальнымъ окаменѣлымъ каскадомъ.

При самомъ выходѣ на верхъ берега, насъ поразило огромное круглое возвышеніе земли, въ родѣ кургана, совершенно уединенное. Мы поспѣшили взобраться на него, чтобы лучше видѣть во всѣ стороны. Но каково жъ было наше удивленіе! Поверхность этого кургана зіяла множествомъ болѣе или менѣе широкихъ отверстій. Я глянулъ въ одно изъ нихъ; подъ ногами у насъ большая зала со сводами. Гляжу въ прочія: коридоры, или другія части зданія, очевидно не простаго, имѣвшаго какое-то особенное назначеніе. Внутри кургана скрывались цѣлыя палаты. Схожу внизъ и отыскиваю входъ въ этотъ подземный лабиринтъ. О незабвенная мистриссъ Радклифъ! прелестное, очаровательное пугало нашей юности! Какая бы драгоцѣнная находка для тебя, любительницы подземельевъ! Тутъ есть все, и ходы, и переходы, и завалившіяся двери, и обвалившіеся потолки, и ржавая плѣсень на облинялыхъ стѣнахъ, и могильная сырость, и... и... однимъ слозомъ — все, что вамъ угодно, даже много и такаго, что вовсе не угодно... Я терялся въ догадкахъ, что бы могли значить эти таинственные катакомбы. Оказалось, что это была нѣкогда турецкая баня, въ которой мылись высокомощные паши Аккермана. Брошенное безъ употребленія по изгнаніи Турковъ, это святилище восточныхъ утѣхъ развалилось, замелось сугробами степной пыли, поросло дикою травою,

«*Vanitas vanitatum!*» думалъ я, взобравшись опять на этотъ краснорѣчивый надгробный памятникъ азіятской роскоши.

Такая душеспасительная настроенность тѣмъ болѣе должна была найти себѣ пищи, когда къ намъ, на томъ же печальномъ гробищѣ мусульманской роскоши, присоединился нѣмецкій пасторъ сосѣднихъ колоній, который, ѣдучи съ семьей изъ Одессы, также *состоялъ* въ ожиданіи лошадей, хотя переѣхалъ лиманъ раньше насъ. Но этотъ новый собесѣдникъ далъ другое направленіе нашимъ мыслямъ. Мы разговорились съ нимъ объ немъ самомъ, о его житьѣ бытьѣ въ Бессарабіи. Уроженецъ лифляндскій, воспитанникъ дерптскаго университета, и еще недавній, молодой пасторъ скучалъ на чужбинѣ, тосковалъ по родинѣ. Видно, что русскій Нѣмецъ! Заграничные легче обживаются на чужой сторонѣ и не слишкомъ страстны къ «дыму отечества»!...

Между тѣмъ благосклонное начальство города приняло участіе въ нашемъ положеніи на развалинахъ бани. Полиція выслала собственныхъ лошадей, которыя привезли и насъ и коляску въ квартиру, приготовленную въ одномъ изъ обывательскихъ домовъ. Аккерманъ еще не обзавелся трактирами.

Первымъ предметомъ моего любопытства, разумѣется, была крѣпость. Я отправился туда въ тотъ же вечеръ. Громада дивная! Она располо-

жена на углу берега, который мысомъ выдается въ лиманъ, и потому съ двухъ сторонъ въ буквальномъ смыслѣ омывается волнами; стороны, обращенныя къ сушѣ, запоясываются глубокимъ рвомъ, котораго бока и дно обшиты камнемъ. Голова крѣпости, выходящая на лиманъ, увѣнчана замкомъ или собственно «цитаделью»: тутъ стѣна на стѣнѣ, башня на башнѣ; продолженіе состоитъ изъ обширной площади, обнесенной высокимъ земляным валомъ. Лишь эта послѣдняя часть, примкнутая къ замку снаружи, но внутри совершенно отдѣльная, имѣетъ единственное сообщеніе съ внѣшнимъ городомъ посредствомъ воротъ, нѣкогда весьма укрѣпленныхъ, и моста, довольно небрежно перекинутаго черезъ ровъ; другія противоположныя воротца сообщаютъ ее съ лиманомъ. Что̀ касается до замка, то онъ имѣетъ явный выходъ только въ это, такъ сказать, преддверіе крѣпости; да имѣлъ, говорятъ, потаенный спускъ на лиманъ, который теперь не существуетъ. Съ 1832 года аккерманская крѣпость уже не считается военною; не смотря на то, она сохраняется во всемъ величіи мужественной, боевой осанки. Замокъ совершенно цѣлъ. Земляная осыпь тоже. По преданію, продолжаются до сихъ поръ старые обычаи крѣпостной дисциплины: каждый вечеръ, въ урочный часъ, ворота тщательно запираются. Но кого ими запираютъ? Мирное семейство штатнаго смотрителя аккерманскаго уѣзднаго

училища. Да, внутри крѣпостнаго вала теперь училище: наставительная ферула царствуетъ тамъ, гдѣ вѣяли грозные бунчуки. И будто для того, чтобъ это превращеніе выражалось краснорѣчивѣе, середи широкой площади, передъ самымъ святилищемъ уѣздныхъ музъ, жалкою фигурою торчитъ длинный турецкій минаретъ, принадлежавшій къ крѣпостной мечети, которая сломана: бѣдняжка, къ довершенію эффекта выбѣленный недавно съ ногъ до головы, кажется запоздалымъ мертвецомъ, который, при пѣніи утреннихъ пѣтуховъ, не успѣлъ, въ слѣдъ за прочими собратіями, убраться въ могилу!...

Я обошелъ кругомъ крѣпость, по стѣнамъ и по валу. Видъ на лиманъ, особенно при захожденіи солнца, невыразимо очарователенъ. Мой чичероне, одинъ изъ учителей уѣзднаго училища, указалъ мнѣ прибрежную башню, на которой Пушкинъ провелъ будто однажды цѣлую ночь, погруженный въ созерцаніе: я этому очень вѣрю. Прибавляютъ, что эта башня съ тѣхъ поръ называется «Овидіевою».. Не потому ли, что поэтъ здѣсь, можетъ быть, велъ свою вдохновенную бесѣду съ тѣнью Овидія?... Въ самомъ дѣлѣ, воспоминаніе о римскомъ изгнаннике такъ легко и естественно могло возбудиться городомъ, украшеннымъ его именемъ, котораго отсюда видиѣется на краю горизонта, сливающагося съ лиманомъ, во всей своей пустынной красѣ. Во всякомъ случаѣ

пріятно слышать это признательное преданіе, которое оживляетъ безмолвныя груды камней, приковываетъ къ нимъ свѣтлый, вдохновительный образъ, хотя бъ то было и миѳической цѣпью. Другими древнѣйшими преданіями эти каменья не богаты. Мнѣ указали одно высокое дерево, растущее внутри башни, которая сама выростаетъ изъ глубины крѣпостнаго рва: это, говорятъ, посадилъ какой то изъ пашей аккерманскихъ на могилѣ любимой жены. Кстати обо рвѣ: объ немъ я слышалъ сказанія весьма свѣжія и, какъ говорятъ, несомнѣнно достовѣрныя. Дѣло вотъ въ чемъ. Ровъ аккерманской крѣпости чрезвычайно глубокъ, и притомъ, какъ я замѣтилъ уже, выстланъ камнемъ. Разъ, утромъ рано, услышали на днѣ его глухіе, жалобные стоны. Смотрятъ: тѣло женщины лежитъ, простертое на помостѣ. Несчастную, очевидно упавшую въ эту пропасть, вытащили и, что весьма удивительно по высотѣ паденія, совершенно возвратили къ жизни.

Оффиціяльная исторія крѣпости записана на стѣнахъ ея неизгладимыми слѣдами русскихъ ядеръ. Аккерманъ достался намъ не вдругъ: онъ былъ завоевываемъ нѣсколько разъ. Первопачально взятъ онъ былъ 25 сентября 1770 года, барономъ Игельстромомъ, послѣ десятидневнаго сопротивленія турецкаго гарнизона: кучукъ-кайнарджійскій миръ возвратилъ его Туркамъ. Въ слѣ-

дующую войну, Аккерманъ двѣнадцать дней упорствовалъ противъ самого князя Потемкина, лично предводительствовавшаго осадою, и сдался вторично, почти ровно черезъ девятнадцать лѣтъ послѣ перваго взятія, 30 сентября 1789 года; миръ ясскій опять отдалъ его назадъ. Наконецъ, въ 1806 году, 30 ноября, въ слѣдъ за объявленіемъ новой войны Портѣ, дюкъ де Ришелье занялъ городъ и крѣпость уже безъ выстрѣла; и съ тѣхъ поръ Аккерманъ остался за Россіею, укрѣпленный ей бухарестскимъ миромъ вмѣстѣ со всей бессарабской областью.

Какъ давно существуетъ Аккерманъ? — Почти несомнительно, что знаменитая греческая колонія Тира, основанная на Тирасѣ за шесть вѣковъ до Р. Х., находилась на мѣстѣ нынѣшняго Аккермана. За нѣсколько недѣль передъ нашимъ пріѣздомъ, у самой пристани, обдѣлываемой теперь для парохода, найдена золотая, отлично сохранившаяся, монета, съ весьма четкою подписью: «*βασιλέως Λυσιμάχου*», то есть «царя Лисимаха». Лисимахомъ, какъ извѣстно, назывался одинъ изъ сподвижниковъ Александра Великаго, захватившій себѣ, послѣ смерти его, Ѳракію, а потомъ, послѣ знаменитаго сраженія при Ипсѣ, и весь мало азіятскій полуостровъ, съ титломъ царя. То было за 300 лѣтъ до Р. Х. Странная игра случая! Этому Лисимаху при жизни довелось весьма близко познакомиться съ сто-

роною, гдѣ теперь, спустя двѣ тысячи сто лѣтъ, отыскалась его монета. Ѳракійскія владѣнія его находились въ нынѣшней Румеліи: жадный къ завоеваніямъ, онъ раздвинулъ ихъ до Дуная, въ нынѣшнюю Булгарію; потомъ прорвался и за Дунай, къ Гетамъ, древнимъ обитателямъ пространства между Тисою и Днѣстромъ. Но здѣсь счастіе покинуло своего любимца. Измѣна переметчика передала Лисимаха со всѣмъ войскомъ въ руки варваровъ. Раздраженные дикари приговорили къ мучительной казни незваного гостя, угрожавшаго имъ рабствомъ или гибелью: яростными криками требовали они отъ своего князя, чтобы онъ немедленно исполнилъ ихъ рѣшеніе. Но тотъ явилъ изумительный образецъ великодушія и мудрости. Онъ велѣлъ приготовить плѣннику роскошную греческую трапезу, въ великолѣпныхъ сосудахъ, которые вмѣстѣ съ нимъ достались ему въ добычу; а самъ возлѣ расположился обѣдать по домашнему, по гетски, изъ простой деревянной и глиняной посуды, наполненной суровыми яствами варваровъ. По окончаніи стола, онъ спросилъ Лисимаха: какой обѣдъ кажется ему вкуснѣе: гетскій или греческій? Не было нужды дожидаться отвѣта на такой вопросъ; и умный дикарь тотчасъ присовокупилъ замѣчаніе, что не за чѣмъ ходить въ сторону, гдѣ не чѣмъ поживиться, не для чего тревожить народъ, съ котораго нечего взять; потомъ предложилъ трепещущему

плѣнннку свою дружбу и возвратилъ полную свободу безъ всякаго выкупа. Лисимахъ былъ тронутъ до глубины души: онъ не только отказался отъ всѣхъ сдѣланныхъ имъ уже завоеваній по сю сторону Дуная, но, въ закрѣпленіе мира и дружбы, отдалъ свою дочь за благороднаго князя Гетовъ. Можетъ быть, эта любопытная сцена происходила гдѣ нибудь въ окрестностяхъ Аккермана! Можетъ быть, найденная теперь монета принадлежала къ вѣку греческой царевны, сдѣлавшейся гетскою княгинею, и отъ ней, за какой нибудь лоскутокъ пурпуровой ткани или за другую принадлежность древняго дамскаго туалета, перешла въ сундукъ тирасскаго купца! По крайнейиѣрѣ, судя по виду монеты, нельзя полагать, чтобъ она слишкомъ долго ходила въ обращеніи; а обронить ее мудрено было гдѣ нибудь кромѣ торговаго города. Слѣдовательно, находка эта представляетъ одно изъ важнѣйшихъ доказательствъ положенія древней Тиры въ чертѣ нынѣшняго Аккермана. Поселеніе это, дожившее до водворенія римскихъ орловъ на берегахъ Чернаго моря, исчезло наконецъ въ бурномъ волненіи народовъ, поглотившемъ міродержавное владычество Рима. Вѣроятно однако, что здѣсь оставались какіе нибудь слѣды древняго жила, когда новые отдаленнѣйшіе пришельцы, завлеченные сюда тѣмъ же духомъ промышленности, Генуэзцы, основали тутъ же свою колонію и факторію подъ именемъ Мон-

кастро. Это должно было случиться не позже XIV вѣка нашей эры: венеціянецъ Іосафатъ Барбаро, жившій въ Черноморьѣ съ 1436 года, упоминаетъ уже о существованіи Монкастро. Кажется, эти то новые гости положили основаніе и нынѣшней крѣпости: въ концѣ прошлаго столѣтія на стѣнахъ ея видѣли гербъ знаменитой генуэзской фамиліи Доріа, котораго, къ сожалѣнію, мы не имѣли удовольствія отыскать, можетъ быть, потому, что онъ уже и не существуетъ. Есть однако и донынѣ греческія надписи, въ которыхъ читаютъ имя Стефана Великаго, господаря, соединившаго подъ своимъ скипетромъ Молдавію, Валахію и Бессарабію, около 1474 года. Стефанъ принялъ подъ свое покровительство Генуэзцевъ, искавшихъ въ Монкастро послѣдняго убѣжища отъ Турковъ, уже прорвавшихся по сю сторону Чернаго моря. Послѣ роковаго сраженія при Вале Алба, онъ долженъ былъ уступить султану все за — Прутье, слѣдовательно и Монкастро; но, вдохновенный торжественнымъ заклятіемъ матери, пославшей его побѣдить или умереть, скоро возвратилъ опять всѣ свои потери. Это было впрочемъ не надолго. Рокъ отмѣтилъ уже свою жертву. Въ 1503 году, Богданъ III, господарь Молдавіи, призналъ себя вассаломъ турецкимъ; и, конечно, съ тѣхъ поръ луна заблистала на башняхъ, воздвигнутыхъ подъ знаменемъ св. Георгія.

Нынѣшнее наименованіе Аккермана — турецкое: оно значитъ слово въ слово — «Бѣлая крѣпость». Подъ именемъ «Бѣлгорода» Аккерманъ извѣстенъ былъ издавна Русскимъ и Полякамъ; онъ и теперь такъ называется по русски. Молдаване именуютъ его по своему «Читате Алба», что значитъ то же самое — «Бѣлый городъ». Кто у кого заимствовалъ это прозвище, и почему досталось оно Аккерману? То и другое неизвѣстно. Можетъ быть, просто, по бѣлизнѣ стѣнъ огромной крѣпости, единственной въ краѣ во время ея основанія, она была такъ проименована единогласно всѣми сосѣдями. Но, можетъ быть, нѣтъ ли соотношенія между этимъ именемъ и туземными жителями страны, которые въ разныя времена, у разныхъ народовъ, неизвѣстно почему, слыли не рѣдко «бѣлыми»? Древнѣйшая наша лѣтопись говоритъ о «Бѣлыхъ Уграхъ», которые будто вытѣснили когда то съ Дуная Волоховъ, вытѣснившихъ отсюда первобытное славянское населеніе. Турки различали «Акъ Уланъ» и «Кара Уланъ», то есть, Валахію «Бѣлую» и «Черную»: первая называлась также и «Акъ Сербъ», то есть, «Бѣлая Сербія». Полагаютъ даже, что самое имя Бессарабіи можетъ происходить отъ турецкаго «біязь» — «бѣлый» — и что Бессы, обитавшіе въ первыхъ четырехъ вѣкахъ по Р. Х. при устьяхъ Дупая, были не что иное какъ «Біязы», то есть «Бѣляки». Впрочемъ, это такія задачи, которыхъ нельзя рѣшить «гуляючи».

*

Я хотѣлъ по крайней мѣрѣ высмотрѣть настоящее положеніе бессарабскаго Бѣлгорода. Но и это превосходило предѣлы «прогулки». То, что называется теперь «городомъ Аккерманомъ», занимаетъ преогромное пространство: есть селенія, отстоящія отъ крѣпости на 5 и болѣе верстъ, которыя всѣ считаются городскими предмѣстіями. Населеніе этого пространства неисчислимо: полагаютъ, что оно простирается далеко за тридцать тысячъ дѣшъ. И кого нѣтъ здѣсь? Великороссіяне, Малороссы, Поляки, Болгаре, Молдаване, Греки, Армяне, Нѣмцы всякаго рода, Жиды, Цыганы. Домовъ насчитываютъ до 2,500. Но какіе это домы? Правда, тотъ, въ которомъ привелось намъ остановиться, очень милъ: такой чистенькій и красивенькій; но онъ принадлежитъ къ городскимъ рѣдкостямъ. Единственное огромное зданіе, достойное европейскаго города, строится еще — кажется, для казармъ: обращенное къ лиману, оно вмѣстѣ съ крѣпостью даетъ обманчивое величіе панорамѣ Аккермана. Прочее все — такая мелочь! Соборная церковь помѣщается все еще въ преждебывшей мечети, почти вросшей въ землю. Строится новый соборъ уже нѣсколько лѣтъ; но, вѣрно, при смѣшеніи языковъ ничто не можетъ достроиться; примѣръ тому былъ уже при столпотвореніи! — Замѣчательно, что въ этой вавилонской пестротѣ аккерманскаго народонаселенія нѣтъ только — кого бы вы думали? — Турковъ! Всѣ

они, по присоединеніи Бессарабіи къ Россіи, пользуясь данною свободою, убрались тотчасъ восвояси.

На другой день утромъ — это было воскресенье — я отправился къ обѣднѣ въ греческую церковь. Она имѣетъ красивое мѣстоположеніе на берегу лимана, не вдалекѣ отъ крѣпости. Замѣчательно, что въ ней изстари чтится память св. Іоанна Сучавскаго, пріявшаго мученическую смерть въ Аккерманѣ. Говорятъ, есть житіе этого праведника, написанное на грѣческомъ языкѣ: въ немъ повѣствуется, что св. Іоаннъ былъ родомъ изъ Трапезонта (нынѣшняго Требизонда), званіемъ купецъ, пострадалъ же отъ Турковъ въ 7000 году отъ сотворенія міра, то есть, въ 1492 году христіанскаго лѣточисленія. Это совпадаетъ со временемъ окончательнаго покоренія Бессарабіи Турками. Не задолго еще передъ тѣмъ, Монкастро и Требизондъ принадлежали къ одной коммерческой сѣти, которою Генуэзцы опутывали Черное море. Сучава, нѣкогда греческо-молдаванская епископія, нынѣ принадлежащая Австріи, имѣла также генуэзскую факторію. Это можетъ подать поводъ ко многимъ соображеніямъ.

На довольно значительное пространство Аккерманъ со всѣхъ сторонъ окружается виноградниками, занимающими почти четвертую долю всей принадлежащей ему земли. Виноградъ аккерманскій славится своимъ вкусомъ и даетъ лучшее

бессарабское вино. До сихъ поръ винодѣліе составляло главнѣйшую промышленость городскихъ жителей: въ предмѣстіи Шабѣ находится цѣлая колонія виноградарей, вызванныхъ изъ Швейцаріи; было даже здѣсь особое училище винодѣлія. Семь лѣтъ постояннаго неурожая винограда нанесли тяжкій ударъ аккерманскимъ погребамъ. Кромѣ вина, жители Аккермана работаютъ прилежно и надъ водой, занимаются рыболовствомъ въ лиманѣ и въ морѣ. Есть также опыты разведенія шелковичныхъ деревьевъ и червей. Другихъ вѣтвей промышлености пока еще никакихъ не видится. Фабрикъ и заводовъ вовсе нѣтъ. Торговля, по неудобности судоходства, шевелится слабо. Единственнымъ оживленіемъ для ней служитъ Никольская ярмарка, продолжающаяся съ 6 до 20 декабря; впрочемъ такая, что весь оборотъ ея едва заходитъ за сотню тысячъ рублей. Но будетъ же время, когда слава древняго Тираса воскреснетъ! Давно ли польская пшеница проходила черезъ «Бялогродъ»? Живая струя Днѣстра, не изсякавшая столько вѣковъ подъ руками варваровъ, ужели должна «пересыпаться» нынѣ? Орлу русскому стоитъ только прилелѣять ее своимъ благодѣтельнымъ крыломъ!...

Степь, степь и степь — открывается за Аккерманомъ. Влѣво, еще въ городской чертѣ, разстилается широкая полоса песчаныхъ сугробовъ, которые здѣсь называются «кучугурами»; имя, ко-

торое не худо принять къ свѣдѣнію и соображенію: въ старину говаривали о какихъ-то «Кутригурахъ», которые очень могли быть передѣланы изъ «Кучугуровъ». Наша дорога не коснулась этой полосы. Первая смѣна лошадей, черезъ $23^1/_2$ версты, называется Кибабчи; вторая, черезъ $19^3/_4$ верстъ, Сарьяры. Объ эти станціи состоятъ изъ одинокихъ хуторковъ, торчащихъ на безбрежной степи. Меня поразило, что жители ихъ, исправляющіе почтовую гоньбу, настоящіе Русскіе; и не просто Русскіе, но чистые Велико-Россіяне, подмосковные Велико-Россіяне! Кажется, имъ очень тепло здѣсь на югѣ. Они разодѣты щегольски, въ цвѣтныхъ рубашкахъ, въ синихъ суконныхъ армякахъ, шляпа на бекрень, сапоги съ напускомъ, борода разчесана и разглажена — что наши мѣщане и даже купцы! Вотъ онѣ, наши старинныя сказки: «доселѣ русскаго духа слухомъ не слыхано, видомъ не видано, а нынѣче русскій духъ въ очью проявляется!» Что жъ? Тѣмъ лучше! Никто такъ не обруситъ земли, какъ чистый Москаль, настоящій Русскій!

Третья станція, черезъ $22^3/_4$ версты, находится близъ большаго селенія Татаръ-Бунаръ. Влѣво синѣются волны обширнаго лимана, называемаго «Сасыкъ», или «Кундукъ», по имени рѣчки Кундука, при которой лежитъ и селеніе. Сасыкъ есть морекой лиманъ, отдѣляющійся отъ моря тончайшею пересыпью. Онъ принадлежитъ къ

числу озеръ, въ которыхъ производится бессарабскій соляный промыселъ. Селеніе Татаръ-Бунаръ состоитъ теперь изъ Малороссіянъ. Въ его имени остается единственный слѣдъ пребыванія Татаръ, которые недавно еще были хозяевами всей южной части Бессарабіи.

Эти Татары, нѣкогда гроза своихъ сосѣдей, въ особенности Подоліи и Украйны, извѣстны были подъ именемъ «Буджацкихъ» или просто «Буджаковъ». Они составляли вѣтвь орды Ногайской, оторвавшейся, какъ извѣстно, отъ Великой Орды около 1261 года. Обыкновенно относятъ начало поселенія ихъ за Днѣстромъ къ 1560 году, когда дѣйствительно до 30,000 ногайскихъ семействъ уклонилось сюда изъ-подъ владычества крымскихъ хановъ. Но византійскіе историки свидѣтельствуютъ, что еще сынъ Ногая, основателя самостоятельности Ногайской орды, по имени Джакъ, проникъ до Булгаріи въ 1294 году. Слѣдовательно, Татары въ Бессарабіи гораздо старше XVI вѣка. Несправедливо однако думаютъ, что они и прозвались Буджаками по предводителю своему Джаку. Скорѣе Джакъ передѣланъ Византійцами изъ Буджака. «Буджакъ» — слово турецко-татарское — значитъ «уголъ». Весьма естественно было такъ назвать юго-восточную оконечность Бессарабіи, образующую дѣйствительно почти прямой «уголъ» между моремъ и Днѣстромъ. Слѣдовательно, «Буджацкіе Татары», пріютившіеся перво-

начальио въ этомъ углу, не что иное какъ — «Угловые Татары». Распространясь далѣе и далѣе, они разнесли съ собой имя Буджака на окрестности; такъ что теперь Буджакомъ называется вся степная, нижняя, при-дунайская часть Бессарабіи, отъ Днѣстра до Прута, заключающая нынѣшніе уѣзды Аккерманскій, Кагульскій и частію Бендерскій. Татары Буджацкіе были родъ мусульманскихъ казаковъ: они состояли бо́льшею частію изъ изгнанниковъ и бѣглецовъ; ихъ ремесло было также хищничество и разбой. Обхваченные кругомъ турецкими владѣніями, они принуждены были признать надъ собой власть великаго падишаха и часто дѣйствовали въ войнахъ Порты съ Польшею, Австріею и Россіею; но чаще слушались своего буйнаго произвола, чѣмъ фирмановъ, насылаемыхъ изъ Стамбула. У нихъ были долго свои ханы, которымъ Турки давали титулъ беевъ. Одинъ изъ этихъ разбойничьихъ атамановъ, Ханъ-Темиръ-Мурза, заставилъ Порту уступить ему городъ и крѣпость Аккерманъ, съ титломъ паши. Вѣроятно, съ этихъ поръ Буджацкіе Татары сдѣлались извѣстны у насъ и у Поляковъ подъ именемъ «Бѣлогородскихъ». Верстахъ въ 30 отъ Аккермана, близъ почтовой дороги въ Кишиневъ, на разстояніи 8 верстъ отъ Днѣстра, находится селеніе, называемое «Ханъ-Кышла»: это значитъ — «ханское зимовище». Тутъ примѣтны донынѣ остатки двухъ фонтановъ; а у туземцевъ сохра-

няется преданіе о существовавшемъ нѣкогда большомъ городѣ съ дворцемъ паши. Вѣроятно, это была зимняя резиденція буджацкихъ хановъ, къ которой и вся орда прикочевывала на зиму со степей, по обычаю номадовъ: хапъ-паша могъ здѣсь оставить для себя загородную виллу. И все прошло, все исчезло! Теперь во всей Бессарабіи нѣтъ ни одного Татарина. Буджацкихъ Татаръ нѣтъ и вовсе нигдѣ. Покинувъ край, они покинули имя. Явное доказательство, что не край прозвался отъ нихъ, а они отъ края.

Слѣдующая за Татаръ-Бунаромъ станція, черезъ $21^1/_2$ версту, называется Зміевскою. Это опять одинокая хижинка. Тутъ мы остановились ночевать. Отсюда отдѣляется влѣво почтовая дорога въ крѣпость Килію, которая не входила въ нашъ маршрутъ. Здѣсь оканчивается уѣздъ Аккерманскій и начинается Кагульскій.

Рано поутру проѣхали мы слѣдующій перегонъ, состоящій изъ $18^3/_4$ верстъ. Ставцію нашли мы при селеніи, которое называется Трояни! — Трояни! Какое имя! — Но этого мало. Здѣсь мы увидѣли во всемъ монументальномъ величіи знаменитый валъ, прорѣзывающій поперегъ Бессарабію и называемый донынѣ — «Траяновымъ»!

Нѣтъ нужды распространяться о происхожденіи этого вала. Кто не знаетъ славнаго римскаго императора, обезсмертившаго своими доблестями имя Траяна? Приложивъ мощною рукою бразды міро-

державной имперіи, онъ явился лично на берега Дуная, обуздать дерзость Децебала, вождя Даковъ, обитавшихъ тогда между Дунаемъ и Карпатами. Дорого стоила ему побѣда надъ варварами; но то была побѣда рѣшительная. Децебалъ умертвилъ самъ себя въ отчаяніи. Все за-дунайское понизовье, начиная отъ рѣки Тисы, обращено въ римскую провинцію, подъ именемъ Дакіи. Чтобы прочнѣй укрѣпить имперіи этотъ край, Траянъ заложилъ здѣсь города, населилъ ихъ колонистами изъ самой Италіи. Весьма вѣроятно, что онъ приказалъ провести и этотъ валъ, удержавшій за собой его славное имя послѣ столькихъ вѣковъ и переворотовъ. Памятникъ конечно не такъ красивый, какъ знаменитая колонна, возвышающаяся среди Рима съ именемъ Траяна; но едва ли не величественнѣйшій, и, безъ сомнѣнія, долговѣчнѣйшій!

Но какое могло быть назначеніе этой узкой земляной ленты, извивающейся по широкому раздолью степей? — Въ княжествѣ Седмиградскомъ, нѣкогда составлявшемъ также часть римской Дакіи, завоеванной и организованной Траяномъ, находятся остатки дороги, которая въ народѣ зовется «Траяновою». Она идетъ отъ мѣстечка Варгели вдоль рѣки Стрей, впадающей въ Марошъ, проходитъ черезъ Карлсбургъ и Торду (древній Салинумъ); и отсюда пускаетъ одну вѣтвь на Клаузенбургъ и далѣе до Карпатъ, другою про-

должается къ сѣверо-востоку по Марошу. Въ настоящее время, здѣшній валъ также слыветъ дорогою, и нерѣдко въ самомъ дѣлѣ исправляетъ должность натуральнаго шоссе на почтовомъ трактѣ. Это не было слѣдствіемъ нынѣшняго устройства почтъ. Еще при Екатеринѣ, русскіе солдаты, вспоминая свои побѣдоносные походы въ Бессарабіи, пѣвали:

На разсвѣтѣ было въ серду,
На *дорогѣ* на *Траяновой*,
Подошли мы близко къ лагерю.

Теперь вотъ и другое замѣчательное обстоятельство. Въ Бессарабіи два вала извѣстны подъ именемъ «Траяновыхъ». Тотъ, который встрѣтили мы на пути изъ Аккермана въ Измаилъ, называется «Нижнимъ». Другой, и по имени и по положенію «Верхній», проходитъ дальше къ сѣверу, верстахъ во 100. Этотъ послѣдній находится почти на одной чертѣ съ Седмиградскою «Траяновою дорогою», такъ что можетъ показаться ея продолженіемъ. И это тѣмъ вѣроятнѣе, что оба вала начинаются не въ Бессарабіи, а входятъ въ нее изъ Молдавіи черезъ Прутъ; между Прутомъ и верховьемъ Мароша разстояніе не очень значительно; притомъ, какъ будто не даромъ, тамъ при границѣ Седмиградскаго княжества, между Быстрицею и Молдавою, находится мѣстечко Галбинъ, и здѣсь, близъ «верхняго Траянова вала», селеніе Гура-Галбина. Все бы превосходно; но

вотъ вопросъ: зачѣмъ двѣ дороги, въ такомъ недальнемъ разстояніи одна отъ другой, могли быть проложены на ровной и гладкой степи, которая сама по себѣ лучше всѣхъ шоссе и мостовыхъ въ мірѣ? Притомъ «нижній валъ» въ особенности, и по направленію своему не слишкомъ соотвѣтствуетъ назначенію дороги: онъ идетъ не прямо, но круто ломающимися колѣнами, прикасаясь какъ будто нарочно къ оконечностямъ лимановъ, которые въ изобиліи отбрасываются Дунаемъ на степь. Правдоподобнѣе, что эти валы въ Бессарабіи высыпаны Римлянами первоначально для той же цѣли, для какой недавно еще на степной границѣ русскаго царства выводились такія же земляныя осыпи, сохраняющіяся донынѣ въ тамбовской и воронежской губерніяхъ. То есть — это были пограничныя сторожевыя линіи, предохраняющія отъ внезапныхъ набѣговъ, со стороны хищныхъ, необузданныхъ, сосѣдей. Пространство между обоими бессарабскими валами безъ сомнѣнія было самымъ восточнымъ продолженіемъ Транзальпинской Дакіи Римлянъ: въ старинныхъ географіяхъ оно именно называется «Траяновою областью» — «*Provincia Trajani*». Валы должны были ограждать это пространство отъ варваровъ, гнѣздившихся къ сѣверу въ горахъ Верхней Бессарабіи, къ югу въ камышахъ Дунайскаго устья. Сомнительно, чтобы колоніи Римлянъ въ то время могли простираться сюда, въ голую, открытую степь,

называвшуюся «пустыней Гетской» «*Solitudo Getarum*». Вѣроятнѣе, что Римляне блюли здѣсь для себя только сообщеніе съ сѣверными берегами Чернаго моря, съ древнею Тирою, и еще болѣе съ Тавридою. То есть, все это пространство составляло широкую «дорогу», съ обѣихъ сторонъ окопанную валами! — Такъ ли, не знаю; но такъ мнѣ кажется. Замѣчательно, что и нашъ старинный пѣвецъ «полка Игорева», очень знакомый съ окрестностями Дуная, упоминаетъ «тропу Троянюю» и «землю Троянюю»..,

Имя нынѣшняго селенія Трояни, конечно, произошло уже отъ вала, который здѣсь упирается въ озеро Китай, длинной и узкой полосой простирающееся къ Дунаю. Отсюда валъ тянется въ югозападномъ направленіи, до другаго большаго озера Котлабуга, при которомъ находится слѣдующая станція. Весь перегонъ, на разстояніи 17½ верстъ, дорога идетъ вблизи вала, и нерѣдко дерзаетъ взбѣгать на этотъ священный остатокъ древности. Мы были счастливѣе Наполеона: на того сорокъ вѣковъ смотрѣли гордо съ недосягаемой вершины пирамидъ; мы попирали семнадцать вѣковъ, смиренно дрожавшіе подъ нашими колесами.

Еще, не доѣзжая до Котлабуга, замѣтилъ я влѣво на горизонтѣ снзыя пятна, которыя все больше и больше сгущались, между тѣмъ какъ утро было совершенно ясно и небо чисто. — Что

это? спросилъ я у ямщика. Вонъ тамъ синѣется!— «*Могилы за Дунаемъ!*» отвѣчалъ онъ весьма простодушно. — Какія могилы? — А вотъ такія же, какъ и здѣсь, только больше!» — И онъ указалъ кнутомъ на курганы, разсыпанные и на здѣшней степи въ такомъ же изобиліи, какъ на всемъ пространствѣ нашего юга. — А далеко еще до Дуная? — «Да верстъ 30 будетъ.» — Стало быть, какія жъ это могилы? Это вѣрно горы? — «Стало быть!» — Въ самомъ дѣлѣ, то былъ уже правый горный берегъ Дуная. — Но зачѣмъ же ты называешь и тѣ горы и эти курганы «могилами»? спросилъ я опять. — «Не мы такъ прозвали, а старики!» — Развѣ тутъ кто нибудь зарытъ подъ ними? — «Богъ ихъ вѣдаетъ, баринъ! Не можемъ знать. Мы тогда не родились!» Могилы»? подумалъ я. Въ самомъ дѣлѣ, степные курганы у туземцевъ, говорящихъ славянскими языками, извѣстны вездѣ подъ именемъ «могилъ»; «курганъ» слово татарско турецкое! Но что значитъ слово — «могила»? Къ какому языку принадлежитъ оно первоначально? Въ русскомъ, кажется, нѣтъ ему корня. И притомъ, здѣсь оно очевидно имѣетъ значеніе гораздо обширнѣе, чѣмъ надгробная насыпь: цѣлыя горы называются «могилами». Любопытная задача, надъ которой стоитъ потрудиться филологамъ въ пользу исторіи!

Отъ Котлабуга до Измаила одинъ уже, послѣдній, перегонъ въ $29^1/_2$ верстъ. Озеро Котлабугъ

имѣетъ всѣ признаки преждебывшаго дунайскаго рукава: оно почти соединяется съ нынѣшнимъ русломъ Дуная. Замѣчательно, что валъ Траяновъ, упершись въ конецъ его, перерывается, и потомъ отъ его бока начинается опять, но измѣнивъ направленіе къ сѣверовостоку: явно, что это была не дорога, а окопъ, который сочтенъ ненужнымъ тамъ, гдѣ широкій водоемъ озера самъ по себѣ представлялъ достаточную защиту. На котлабужскую станцію выходитъ дорога изъ Кишенева въ Измаилъ, которая прежде была почтовою.

До сихъ поръ, пересѣкая поперегъ Бессарабію, мы ѣхали больше на западъ съ легкимъ склоненіемъ къ югу; но теперь рѣшительно повернули на югъ. Чѣмъ ближе подвигались мы къ Измаилу, тѣмъ рѣзче и величественнѣе обрисовывались передъ нами высоты праваго дунайскаго берега, принадлежащаго уже Турціи. Особенно разрастались тѣ пятна, которыя еще прежде обратили наше вниманіе. Это была цѣлая группа массивныхъ холмовъ, весьма похожая съ виду на рейнское семигорье (Siebengebirge): подъ ней находится извѣстный турецкій городъ Тульча. Обманутый видимою близостью горъ, я дивился, что никакихъ признаковъ Измаила не открывалось на горизонтѣ. Мнѣ казалось, что я различалъ уже сѣдыя волны Дуная у подошвы холмовъ. Но то былъ новый оптическій призракъ: то была прозрачная мгла, носившаяся надъ русломъ великой рѣки. Нако-

нецъ открылась небольшая церковь, стоящая на берегу водоема, похожаго на рѣку. Это все еще не былъ Измаилъ; вода принадлежала не Дунаю, но лиману, который называется Сафтіанъ. Городъ показался весьма не издалека: мы еще не успѣли всмотрѣться въ него, какъ уже увидѣли себя въ немъ.

Зрѣлище совершенно нечаянное поразило насъ. На отдаленнѣйшемъ краю имперіи, во глубинѣ степей, еще недавно бывшихъ логовищемъ дикой кочующей орды, чего должно было ожидать отъ мѣста, которое носитъ на лбу живое свидѣтельство турецкаго происхожденія, которое называется «Измаиломъ»? Къ изумленію нашему, мы увидѣли себя въ прекрасномъ европейскомъ городкѣ. Широкая улица или, лучше, аллея, обставленная прелестными домиками, привела насъ на красивую площадь, кругомъ обсаженную рядами тополей, съ великолѣпною церковью на срединѣ. Ни малѣйшаго признака туречины. Скорѣй можно было подумать, что мы въѣхали въ одинъ изъ городковъ Италіи или южной Франціи, если бъ строгая симметричность и изящная чистота, господствующая въ наружности города, не изобличала Россіи, единственной стороны, гдѣ главное — чинъ и порядокъ! Но куда жъ дѣвался прежній Измаилъ, который при Туркахъ считался большимъ городомъ? Задача скоро объяснилась. Мы въѣхали въ новый городъ, созданный возлѣ ста-

раго Измаила генераломъ Тучковымъ: по имени своего основателя, и онъ теперь носитъ имя Тучкова.

Насъ подвезли прямо къ трактиру, находящемуся на самой площади. О Аллахъ! Изъ дверей выскочило двое оффиціантовъ, въ ситцевыхъ рубашкахъ съ косымъ воротомъ, въ кружокъ волосы, бородка нижегородка, во всей формѣ ганимеды московскихъ ресторацій. Входимъ въ самый трактиръ. Очарованіе возрастаетъ. Вы видите тѣ же столы, накрытые несмѣнными скатертями, украшенные неисчерпаемыми графинами съ дунайской водою; тутъ стойка, исправляющая должность буфета, съ кусками свѣжей, облитой еще кровью, живности; тамъ зеленое поле бильярда, изборожженное непослушными кіями; здѣсь стѣнные часы, и чуть ли не съ курантами. Намъ отвели, по востребованію, особую комнату, отдѣляемую впрочемъ отъ другихъ уже по азіятски, толстою запачканною занавѣсью. Только это послѣднее обстоятельство, да еще скудость и увѣчье мебели, напоминали намъ, что мы хотя и въ русскомъ трактирѣ, но уже не внутри Россіи.

Пообѣдавъ, чѣмъ Богъ послалъ, мы отправились взглянуть на старый городъ, который заключается въ стѣнахъ знаменитой Измаильской крѣпости. Грозныя воспоминанія сопряжены съ этими стѣнами. Тому ровно пятьдесятъ лѣтъ, какъ

онѣ рухнули подъ пятою Суворова. Вы знаете микель анджеловскую картину, въ которой Державинъ увѣковѣчилъ подвигъ,

Что зрѣлъ подъ Измаиломъ свѣтъ!

Крѣпость опять возобновлена Турками; и теперь безпрестанно распространяется и укрѣпляется, служа уже оградой Россіи. Глазъ не можетъ окинуть ея протяженія, осыпаннаго высокимъ земляным валомъ: это дѣлаетъ ее менѣе живописною, чѣмъ аккерманская крѣпость, которая со всѣхъ сторонъ какъ на блюдечкѣ. Внутренность измаильской крѣпости вся застроивается помѣщеніями для гарнизона; частные домы выведены или выводятся въ Тучковъ. Многія зданія обширны и великолѣпны. Намъ указали одинъ домикъ, въ которомъ помѣщается «клубъ» или что то въ родѣ «благороднаго собранія». Клубъ въ измаильской крѣпости, у которой надъ воротами еще свѣжъ какой то кудрявый вензель изъ турецкихъ каракулекъ!... Вдругъ раздался шумъ колесъ. Мимо насъ промчалась щегольская коляска, запряженная четверней лихихъ коней. И это тамъ, гдѣ за двадцать пять лѣтъ встрѣчались только запачканныя чалмы лѣнивыхъ мусульманъ!... Да!...

Измаилъ стоитъ на самомъ берегу Килійскаго Дуная. Такъ называется сѣверный изъ трехъ рукавовъ, на которые Дунай раздѣляется немного выше Измаила. Извѣстно, что еще Геродотъ называлъ свой Истръ или Дунай «пятиустымъ».

Но или отецъ исторіи ошибался въ счетѣ, или съ его времени въ устьѣ Дуная произошли важныя перемѣны. Теперь Дунай, близясь къ морю, развѣтвляется на три Дуная, изъ которыхъ сѣверный называется Килійскимъ, южный Георгіевскимъ, а средній, нѣсколько позже отдѣляющійся отъ Георгіевскаго, Сулинскимъ. По этимъ тремъ главнымъ трубамъ считается и три главныя устья, или, какъ здѣсь говорятъ, «гирла» Дуная, носящія тѣ же самыя наименованія. Но изъ нихъ одно Килійское изливается въ море семью отдѣльными истоками: гирло Георгіевское имѣетъ опять два отдѣльныя устья. Слѣдовательно, Дунай теперь является по крайней мѣрѣ «десятиустымъ». Само собою разумѣется, что отсюда происходитъ множество острововъ, число которыхъ увеличивается еще тѣмъ, что Дунай Килійскій, еще до окончательнаго развѣтвленія своего передъ впаденіемъ въ море, нѣсколько разъ раскидывается и опять свертывается. Въ настоящее время дельта Дуная представляетъ фантастическое узорочье, въ которомъ не знаешь, вода ли вышита по землѣ, или земля по водѣ. Пространство, ею замыкаемое, весьма обширно. Подъ Измаиломъ, находящимся почти у вершины треугольника, два крайніе рукава Дуная распахиваются уже такъ широко, что до турецкаго берега, находящагося по ту сторону Георгіевскаго Дуная, считается, разумѣется дорогами, до 30 верстъ. Конечно, на та-

комъ пространствѣ должно быть больше земли, чѣмъ воды: иначе, это вышелъ бы заливъ моря. Но земля эта, прорѣзанная безчисленнымъ множествомъ рѣчекъ, ручьевъ и ручейковъ, испещренная несмѣтнымъ количествомъ озеръ всякой величины и глубины, почти вся состоитъ изъ плавней, покрытыхъ густыми, дремучими лѣсами камыша. Между тѣмъ древніе классическіе историки и географы говорятъ объ островахъ дунайскаго устья что то гораздо болѣе! По увѣренію ихъ, одинъ изъ этихъ острововъ, по имени Певки, вмѣщалъ въ себѣ цѣлый народъ Певкиновъ, со многими городами. Этотъ островъ долженъ быть нынѣшній Георгіевскій, находящійся между рукавами Георгіевскимъ и Сулинскимъ. Гирло самое южное, то есть, нынѣшнее Георгіевское, называлось у древнихъ «Певкинскимъ», и сверхъ того слыло еще, неизвѣстно почему, «Святымъ устьемъ» (*Ἱερὸν Στόμα*); почему въ позднѣйшія христіанскія времена весьма натурально переосвятилось только на имя св. Георгія. Любопытно было бы посѣтить этотъ островъ съ щупомъ и мотыкою антикварія: можетъ быть, и тамъ нашлось бы кое что въ родѣ драгоцѣнныхъ открытій, сдѣланныхъ недавно на островкѣ Фидониси, древнемъ Левки, находящемся противъ самаго Свято-георгіевскаго устья. Съ моей стороны, «прогуливаясь» глазами по этому спорному владѣнію воды и земли, я могъ сдѣлать только слѣдующія

заключенія. Островъ Певки считался у древнихъ самымъ большимъ изъ дунайскихъ острововъ. Но теперь онъ меньше того пространства, которое заключается между рукавами Сулинскимъ и Килійскимъ. Что жъ, старики лгали? Нѣтъ: по, вѣроятно, воды Дупая въ ихъ время были выше, слѣдовательно и это пространство, которое очевидно ниже Георгіевскаго острова, тогда раздѣлялось на нѣсколько мелкихъ островковъ, поперечными протоками, слѣды которыхъ донынѣ болѣе или менѣе примѣтны. Это тѣмъ достовѣрнѣе, что здѣсь до сихъ поръ считаютъ два острова: одинъ верхній, подъ именемъ Читала, другой нижній, подъ именемъ Лети, которые въ самомъ дѣлѣ отдѣляются еще и теперь небольшою рѣчкою Тондою, соединяющею рукава Сулинскій и Килійскій: каждый изъ нихъ самъ по себѣ будетъ меньше георгіевскаго острова. Далѣе: третье устье съ юга, соотвѣтствующее нынѣшнему Килійскому, называлось у древнихъ «Прекраснымъ». Чѣмъ оно могло заслужить такое лестное имя, я не могъ угадать со стѣнъ Измаила, подъ которыми Килійскій Дунай, сказать по совѣсти, не имѣетъ ничего прекраснаго: рѣка какъ рѣка, и даже очень, очень обыкновенная! Но я увѣренъ, что нынѣшнее его названіе есть искаженный отголосокъ древняго: изъ «*Καλὸν*» такъ легко сдѣлать «Килію». Куда жъ дѣвались два остальныя устья древнихъ, изъ которыхъ одно называлось «Лож-

нымъ«, а другое, самое сѣверное, «Малымъ»? Если они не принадлежатъ къ развѣтвленіямъ килійскаго гирла, которыхъ, какъ я сказалъ, считается теперь до семи, то вѣрно пересохли. Это послѣднее тѣмъ правдоподобнѣе, что самыя наименованія ихъ не представляли благонадежнаго ручательства за долговѣчность: «Ложное» совсѣмъ пролгалось, «Малое» уменьшилось до ничтожества.

Въ сумерки того жъ дня мы оставили Измаилъ. Смотрѣть было нечего больше. Что сказать еще объ этомъ городѣ? Исторіи другой онъ не имѣетъ, кромѣ той, которая записана Державинымъ. Привести въ статистическія цифры настоящее его состояніе — задача трудная. Въ Измаилѣ считаютъ до пятнадцати тысячъ жителей; но какъ учесть городъ, въ которомъ донынѣ еще особый классъ народонаселенія составляютъ, такъ называемые, «бѣженари»? Что Измаилъ образуетъ особое градоначальство, къ которому принадлежитъ крѣпость Килія и пограничное мѣстечко Рени, это вы знаете; что здѣсь есть таможня и карантинъ, это разумѣется само собою. Развѣ прибавить, что тутъ находится два училища: русское (уѣздное) и греческое. Греки преимущественно держатъ въ своихъ рукахъ торговлю, которая, не смотря на соперничество Галаца, весьма значительна.

Мы опять обратили тылъ Дунаю и Турціи. Дорога повела насъ прямо на сѣверъ, вдоль боль-

шаго дунайскаго лимана, простирающагося верстъ на 50 длины и состоящаго изъ двухъ главныхъ водоемовъ: одного, извѣстнаго подъ именемъ озера Кугурлай, другаго, называющагося лиманомъ Ялпухъ. Эта обширная масса водъ имѣетъ донынѣ непосредственное сообщеніе съ русломъ Дуная, посредствомъ множества мелкихъ протоковъ, пробирающихся сквозь плавни. Все заставляетъ думать, что прежде она сообщалась съ нимъ гораздо свободнѣе и что дельта дунайская начиналась тогда гораздо выше, около нынѣшняго Сатунова, прославленнаго переходомъ побѣдоноснаго русскаго войска за Дунай въ послѣднюю войну съ Турціей.

Черезъ 21 версту, мы смѣнили лошадей при селеніи Чишма Варуитъ. Еще $20^1/_2$ верстъ, и мы пріѣхали въ Болградъ, гдѣ остановились до утра.

Болградъ есть столица маленькаго болгарскаго міра, передвинувшагося сюда недавно изъ за Дуная. Болгаре, наши единоплеменники и единовѣрцы, братья одного славнаго семейства, дѣти одной православной церкви; Болгаре, нѣкогда предшественники наши на позорищѣ исторіи, воспріемники предковъ нашихъ отъ святой купели крещенія, наставники и руководители нашихъ первыхъ шаговъ къ просвѣщенію; Болгаре, предъ которыми столько вѣковъ трепетала надменная Византія, отъ которыхъ получила она столько славныхъ кесарей и мудрыхъ первосвященниковъ;

теперь, осужденные на сугубое рабство, подавляемые варварскимъ насиліемъ Турковъ и варварскими козпями Грековъ, могли ль оставаться равнодушными, когда вокругъ нихъ зашумѣли крылья роднаго орла Святой Руси? — Съ 1809 года началось переселеніе Болгаръ по сю сторону Дуная: оно продолжалось непрерывно, когда Бессарабія осталась за Россіею. Въ 1823 году состоялось положеніе о болгарскихъ колоніяхъ, по которому утверждено за ними обширное пространство въ юговосточномъ углу бассарабской области, со многими привиллегіями. Война 1830 года присоединила къ нимъ 28 новыхъ колоній, выселившихся изъ за Балкана. Теперь считается въ нихъ до десяти тысячъ семействъ и до пятидесяти семи тысячъ душъ, круглымъ числомъ. Мѣстечко Болградъ основано въ 1822 году, и имѣетъ уже 860 домовъ съ 5,800 жителей. Оно находится на прекрасномъ мѣстоположеніи, возлѣ ялпухскаго водоема, здѣсь уже почти оканчивающагося. Но мѣстоположеніе ничто въ сравненіи съ устройствомъ мѣстечка. Это, просто, заглядѣнье! Живая картинка изъ великолѣпнаго англійскаго кипсека! Что за прелесть эти миленькіе домики, обсаженные величественными раинами! Какъ художественно отдѣланъ во всѣхъ подробностяхъ этотъ очаровательный идиллическій пейзажъ! На широкой площади, вскрай лимана, возвышается изящнѣйшей архитектуры церковь, которой золо-

той крестъ сіяетъ беззакатною звѣздой надъ гостепріимнымъ убѣжищемъ пришельцевъ, нашедшихъ здѣсь новое отечество. Я понимаю восторгъ, господствовавшій при торжественномъ освященіи этого великолѣпнаго храма, совершенномъ прошлою осенью. Это было торжество полнаго усыновленія новыхъ дѣтей святой матери Руси!

Вскорѣ за Болградомъ мы переѣхали снова Нижній Траяновъ валъ. Имъ ограничиваются съ сѣвера болгарскія колоніи, лежащія между Ялпухомъ и Прутомъ. Недалеко отсюда онъ упирается въ Прутъ, между селеніями Колибащи и Вадулуй Исаки.

Станція Гречени, въ 22 верстахъ отъ Болграда, находится при рѣчкѣ, носящей славное имя Кагула. Начиная съ ней, видъ страны ощутительно измѣняется. Земля холмится. Высоты опушаются кустарниками, разрастающимися наконецъ въ густые перелѣски. Дорога идетъ долиною Кагула, который, во глубинѣ ея, едва примѣтною струйкою пробирается къ кагульскому обширному лиману, находящемуся въ самой почти оконечности угла, образуемаго сліяніемъ Прута съ Дунаемъ.

Еще наканунѣ пробѣжала надъ нами небольшая тучка. Весь прошлый вечеръ облака толпились надъ Задунайскими горами. Поутру мы проснулись подъ нахмурившимся небомъ. Теперь прыснулъ сильный проливной дождь. Дрянныя

лошади застарили насъ до дождя еще воротиться назадъ въ Гречени пѣшкомъ; но и другія, лучшія изъ всей конюшни содержателя жида, были не лучше. Насилу вытащились мы изъ кагульской долины, которую должны были оставить вправѣ. Весь перегонъ состоялъ только изъ $22^1/_2$ верстъ; но у самой станціи, находящейся при городѣ Кагулѣ, клячи наши стали рѣшительно подъ горою, на которой лежитъ городъ. Дождь лилъ какъ изъ ведра. Грязная Ніагара стремилась прямо на насъ съ крутой высокой горы. Уже свѣжія лошади съ городской станціи выручили насъ изъ бѣды.

Городъ Кагулъ недавно еще возведенъ въ это званіе изъ молдаванскаго селенія Формозъ. До сихъ поръ карта Бессарабской области все еще ходитъ въ корректурѣ. При первоначальномъ раздѣленіи на цинуты, изъ юговосточнаго угла ея образованъ былъ цинутъ измаильскій. Когда Измаилъ отдѣлился въ особое градоначальство, уѣздъ его переименованъ былъ въ Кагульскій въ честь знаменитой побѣды при Кагулѣ; но управленіе его перенесено было въ мѣстечко Леово, находящееся выше на Прутѣ. Скоро однако замѣтили, что Леово стоитъ на краю принадлежащаго къ нему уѣзда: почему селеніе Формозы, лежащее почти въ центрѣ, произведено въ уѣздный городъ, съ переименованіемъ въ Кагулъ.

Не даромъ это селеніе называлось Формозы, то есть «Красивое». Положеніе его дѣйствительно прекрасно. Оно царствуетъ надъ широкою долиною Прута, сопровождаемою съ молдавской стороны цѣпью живописнѣйшихъ холмовъ, съ которыми гордо переглядывается съ своего не менѣе высокаго піедестала. Но только при томъ пока и остается. Новый городъ рѣшительно не обзавелся еще ни чѣмъ, сообразно своему рангу. Онъ та же молдаванская деревушка, какъ былъ прежде, только населенъ уже не крестьянами, а чиновниками. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи Кагулъ едва ли не единственный городъ во всемъ свѣтѣ; можно побиться объ закладъ, что такаго чисто аристократическаго народонаселенія не найдешь нигдѣ и съ Діогеновымъ фонаремъ. Кромѣ настоящихъ классныхъ чиновниковъ, здѣсь живутъ еще солдаты и писаря, которые все же принадлежатъ къ низшимъ воинскимъ и канцелярскимъ чинамъ, а не къ простонародію. Слѣдствіемъ этого было однако то, что мы, расположась обѣдать на станціи, не нашли ничего во всемъ городѣ, кромѣ утиныхъ яицъ, изъ которыхъ состряпали намъ какую то пурпурнаго цвѣта яичницу. И то правда: можетъ быть, куры слишкомъ плебейская птица для аристократическаго города!...

Поле знаменитой кагульской битвы находится въ 10 верстахъ отъ города, совершенно въ сторонѣ отъ большой дороги. Погода вовсе не

благопріятствовала такой отдаленной экскурсіи; почему мы должны были отказаться отъ наслажденія взглянуть на это позорище русской славы, стяжавшее безсмертную честь Румянцеву. Это было 20 іюня 1770 года, назадъ тому почти ровно шестьдесятъ девять лѣтъ. Битва кагульская есть истинно баснословное событіе, которое, случись нѣсколькими вѣками раньше, единогласно было бы отнесено въ область миѳовъ. Семнадцать тысячъ Русскихъ попались между полутораста тысячною арміею Турокъ и сто-тысячною ордою Татаръ. И что жъ? Турки разбиты въ прахъ; Татары сами развѣялись прахомъ. Мы потеряли только тысячу человѣкъ; Турковъ погибло до сорока тысячъ. Весь лагерь, сто сорокъ орудій, шестьдесятъ знаменъ, достались побѣдителямъ. Какими соображеніями стратегіи и тактики можетъ быть изъяснено это чудо? Изъ оффиціяльныхъ извѣстій видно, что побѣда сначала не только колебалась, но даже грозила склониться на сторону Турковъ. Внезапный натискъ десяти-тысячнаго корпуса янычаръ смялъ и опрокинулъ Русскихъ.... Вдругъ сцена перемѣнилется.... Паническій страхъ овладѣваетъ непріятелемъ.... Все бѣжитъ, все гибнетъ... Да! Въ книгѣ судебъ Россіи много страницъ, которыхъ не объяснитъ никакая человѣческая мудрость! Остается только восклицать съ поэтомъ:

Языки, вѣдайте: великъ россійскій Богъ! —

Съ Кагула почтовая дорога начинаетъ идти постоянно берегомъ Прута. Вотъ наконецъ край Россіи, предѣлъ великой имперіи! Для Русскаго, граница отечества всегда есть что-то чудное, необычайное: онъ такъ привыкъ къ его безпредѣльности! Признаюсь, я самъ, знакомый уже съ чужбиною, не безъ любопытства смотрѣлъ теперь на землю, которая уже не называется Россіею. Долина прутская имѣетъ значительную ширину, постоянно верстъ на 5, и болѣе; по самъ Прутъ змѣится по ней тонкою, часто сквозь камышъ едва примѣтною, струею. Ничто не обнаруживаетъ, что здѣсь проходитъ межа двухъ имперій, такъ различныхъ между собою во всѣхъ отношеніяхъ; только маленькія будочки, съ нашей стороны, время отъ времени обозначаютъ протяженіе карантинной цѣпи. Настоящая граница положена на серединѣ самой рѣки; но она такъ своевольно мечется въ своемъ широкомъ ложѣ, что оба берега безпрестанно входятъ другъ въ друга, болѣе или менѣе обширными клиньями. Часто вы третесь объ молдаванскую землю; а внутри ея нѣсколько разъ изгибается цѣпь русскихъ ведетовъ, безотлучно слѣдующая за изгибами Прута. При такомъ круженіи не рѣдко бываетъ, что рѣка прорываетъ себѣ новые пути, измѣняетъ русло; и тогда цѣлые куски земли отхватываются то отъ того, то отъ другаго края, перекидываются изъ имперіи въ имперію. Право, этотъ Прутъ

себѣ на умѣ: онъ очень хорошо понимаетъ, что не его мелкой струѣ сдерживать гиганта, который только изъ великодушія дозволилъ ему пресмыкаться у своихъ ногъ; вотъ онъ и виляетъ то туда, то сюда, чтобы не подать и вида, будто въ самомъ дѣлѣ смѣетъ обуздывать силу, которая не знаетъ другой узды, кромѣ собственной воли.

Рѣку Прутъ, какъ притокъ Дуная, зналъ еще Геродотъ, и — что особенно замѣчательно — почти подъ нынѣшнимъ именемъ. По увѣренію его, Скиѳы называли ее по своему «Пòрата». Греки сдѣлали отсюда Пиретосъ или Пуретосъ, и потомъ еще короче — Порасъ. Впослѣдствіи эта рѣка является подъ другимъ наименованіемъ Гіерасоса или Герасоса, къ которому впрочемъ присоединялся и Порасъ, въ качествѣ рукава. Между Гіерасомъ и Порасомъ нашли себѣ прибѣжище остатки вольныхъ Даковъ, не захотѣвшихъ покориться Траяну: они жили здѣсь подъ именемъ Тирангетовъ, вѣроятно тирасскихъ (то есть днѣстровскихъ) Гетовъ, и имѣли многіе города, которыхъ имена всѣ почти оканчивались на «*дава*», напримѣръ «Пироборидава», «Царигадава», и тому подобныя. Гдѣ были эти странные города, очень подозрительные въ славянизмѣ? Что это за Гіерасосъ, которому Прутъ отдавался въ побочные спутники? — Для рѣшенія этихъ вопросовъ надо было перебраться на ту сторону Прута. Извѣстно, что меж-

ду Рени и Галацомъ находится большой лиманъ, съ которымъ Прутъ и теперь еще въ сообщеніи: быть можетъ, этотъ лиманъ былъ нѣкогда устьемъ Гіерасоса. Но перебраться черезъ Прутъ легко, да назадъ ворочаться скучно: надо просидѣть по меньшей мѣрѣ, четыре дня въ карантинномъ чистилищѣ.

Перемѣнивъ лошадей въ Готештахъ, черезъ $25^1/_2$ верстъ, мы остановились ночевать на слѣдующей станціи Леки, черезъ $20^1/_2$ верстъ. Оба эти наименованія принадлежатъ молдаванскимъ селеніямъ, въ сосѣдствѣ которыхъ находятся станціи. Это здѣсь непреложный законъ, что станціонные домики никогда не находятся въ самыхъ селеніяхъ, но всегда въ значительномъ отъ нихъ отдаленіи, точно отшельническія кельи пустынниковъ. Такое распоряженіе, конечно, выгодно для лошадей, доставляя имъ удовольствіе гулять въ степномъ привольѣ, нѣжиться на подножномъ корму. Но проѣзжіе?... И они также должны довольствоваться подножнымъ кормомъ и чистымъ воздухомъ степей, если сами не запаслись ничѣмъ существеннѣе.....

Ночь, проведенная нами въ Леки, была первая весенняя ночь, растворенная всею благодатью юга. Тучи промчались. Освѣженный воздухъ дышалъ мягкою упоительною прохладою. Земля жадно сосала животворящую влагу небесъ и пышно кури-

лась признательною данью прозрачныхъ, благоухающихъ испареній. Почтовый домикъ стоялъ надъ самымъ Прутомъ. Молдавскіе холмы дрожали волшебными тѣнями подъ дымкою полусвѣтлаго сумрака. Рѣка недвижно лежала голубой лентой, осыпанная лиманами, точно крупными яхонтами. Чудная ночь! Восхитительная ночь! —

Отъ Леки 19 верстъ до Леова. Мы пріѣхали туда на другой день рано утромъ, переѣхавъ подъ самымъ мѣстечкомъ Верхній Траяновъ валъ.

Ничего не могу сказать объ Леовѣ; потому что, благодаря уединенности станціи, я наслаждался созерцаніемъ его въ почтительномъ разстояніи. Видно лишь было, что это большое молдаванское селеніе. Небольшой уголокъ его, который захватывается дорогою, кишитъ Жидами, необходимою принадлежностью «мѣстечка». Въ Леовѣ до сихъ поръ существуетъ карантинная застава. Здѣсь мы имѣли случай замѣтить, съ какой буквальной точностью наблюдается строгость границы съ нашей стороны. Кто-то убилъ дикую утку. Она упала прямо въ Прутъ, но, по несчастію, ближе къ молдавскому, чѣмъ къ нашему берегу. Стрѣлокъ не могъ воспользоваться своею добычею и, окруженный толпою любопытныхъ, медленно слѣдовалъ за ней по берегу, въ ожиданіи, пока игра струи или вѣтра передвинетъ ее за заповѣдную черту. Не знаю, скоро ли вознаградилась эта пыт-

ка Тантала, такъ живо напоминающая русскую пословицу: «по усамъ течетъ, а въ ротъ не попадаетъ!»

Въ Леовѣ мы оставили Прутъ, и вернулись вправо, внутрь берега, по направленію къ Кишиневу. Дорога два раза пересѣкала Траяновъ валъ; наконецъ, въ исходѣ перваго перегона, завернувъ круто на сѣверъ, оставила его продолжаться въ направленіи къ востоку. Верхній Траяновъ валъ тѣмъ отличается отъ Нижняго, что идетъ гораздо прямѣе, почти какъ по спурку. Онъ упирается въ Днѣстръ промежъ Каушанъ и Бендеръ. Бессарабія разсѣкается имъ во всю свою ширину.

Двѣ первыя станціи отъ Леова — первая черезъ 21, вторая черезъ 24 версты — называются Гура-Сарацика и Гура-Галбина. «Гура» значитъ по молдавански — «устье». Впрочемъ рѣчка Сарата, на которой находится станція перваго имени и потомъ дальше село Сарацика, впадаетъ въ Прутъ ниже Леова, въ довольно далекомъ отсюда разстояніи. Дорога долго идетъ долиною этой рѣчки. Чѣмъ дальше двигались мы, тѣмъ земля становилась холмистѣе. За Гурой Галбиной начинаются горы, одна другой выше и круче. Мы должны были пересѣкать ихъ поперегъ. Лѣса густѣютъ. Раза два мы должны были проѣзжать довольно обширными перелѣсками. Перегонъ отъ Гуры Галбины до Резени простирается на 27 верстъ. Ло-

шади, какъ нарочно жидовскія, не могли одолѣть ряда горъ, и въ половинѣ перегона рѣшительно стали. Это дало намъ случай познакомиться съ Молдаванами, со стороны, сдѣлавшей на насъ благопріятное впечатлѣніе.

Огромная гора, покрытая густой чешуей лѣса, загородила намъ дорогу. Лошади въ тупикъ, ни съ мѣста. Что дѣлать! Посылать въ деревню за помочью — далеко! Ямщикъ, даромъ что Русскій, выбился изъ силъ, и только лишь охалъ да клялъ по русски и горы, и клячъ, и Жида-хозяина. Подъ горою, во глубинѣ долины, виднѣлся хуторокъ, вкругъ котораго паслись на лужку волы и лошади, очевидно принадлежавшіе къ хозяйству поселянина. Рѣшено отправить ямщика хоть туда за подмогою. Пока онъ спускался съ горы, да добирался до хутора, изъ глубины лѣса явился Молдаванъ, одѣтый довольно опрятно, въ полосатомъ халатѣ, въ красномъ кушакѣ, въ цвѣтной фескѣ съ длинною кистью, безъ сомнѣнія «мазылъ», если не «боярынашъ». Онъ увидѣлъ наше горе, и безъ призыву самъ принялся выручать насъ. Побранивъ предварительно ямщика за то, что онъ не поѣхалъ на гору въ объѣздъ, онъ подошелъ къ лошадямъ, схватилъ ихъ могучею рукой подъ уздцы и повернулъ въ сторону; потомъ подперъ сзади коляску плечомъ, и гикнулъ громко. Точно будто онъ намагнетизировалъ

клячъ своимъ взглядомъ, прикосновеніемъ и голосомъ. Лошади, которыхъ не могли сдвинуть съ мѣста въ три дубины, взяли и потянули. Молдаванъ снова прикрикнулъ. Онъ имѣлъ предосторожность поставить коляску нѣсколько подъ гору. Клячи пустились рысью. Не давая имъ останавливаться, Молдаванъ продолжалъ, бѣгучи вмѣстѣ, кричать, направляя ихъ постепенно въ гору только маханьемъ рукъ. Такъ въѣхали мы въ лѣсъ и цѣликомъ пробрались на объѣздную дорогу. Но горы оставалось еще много. Импровизированные бѣгуны опять пристали. Тутъ настигъ насъ ямщикъ съ другимъ Молдаваномъ, хозяиномъ хутора, который пригналъ съ собой пару лошадей: этотъ послѣдній былъ уже настоящій «царанъ», во всей наготѣ лѣтняго южнаго костюма. Новыя лошади оказались совершенно безполезными, потому что на нихъ не было ни хомутовъ, ни шлеекъ. Первый Молдаванъ посадилъ втораго на козлы, самъ опять къ коляскѣ, подперъ сзади, крикнулъ еще громче вдвоемъ; и клячи опять побѣжали въ гору. Скоро мы поднялись наверхъ, и уже безъ всякихъ приключеній домчались опять до почтовой дороги. Мазылъ все бѣжалъ и кричалъ: въ этомъ, кажется, заключался весь талисманъ нашего спасенія. Когда коляска выѣхала на дорогу, крупный потъ струился по его разгорѣвшемуся лицу; открытая, заросшая косматою шерстью грудь, тяжело переводила духъ; больши е черныя

глаза горѣли яркими карбункулами. Въ эту минуту вся физіономія его показалась мнѣ запечатлѣнною особеннымъ выраженіемъ живости, силы, огня. Нѣтъ! не сѣверная гетская кровь бушуетъ въ жилахъ нынѣшнихъ Румуновъ: много подлито въ нее южнаго горючаго масла! Другой Молдаванъ казался гораздо спокойнѣе; но глаза его также сверкали острымъ, пронзительнымъ блескомъ италіянскихъ очей. Колоніи Траяновы не перевелись въ землѣ Траяна! — Мы предложили обоимъ по стакану молдавскаго вина. Мазылъ осушилъ его съ громкою, краснорѣчивою благодарностью, засвидѣтельствовавъ за своего единоземца, который вовсе не говорилъ по русски, что онъ также бьетъ челомъ на нашей ласкѣ. Сцена кончилась тѣмъ, что оба па прощаньѣ схватили наши руки и, прежде чѣмъ мы успѣли отнять, почтительно поцѣловали. Долго еще раздавались въ слѣдъ намъ ихъ напутственные крики.

Передъ селеніемъ Резени мы переѣхали рѣчку Ботню, замѣчательную въ исторіи Бессарабіи. Рѣчка эта, начинаясь внутри горной бессарабской стороны, проходитъ мимо Каушанъ въ Днѣстръ. На ней, или, лучше, на одномъ изъ ея правыхъ притоковъ, находится селеніе Карбуна, нынѣ ничего не значащее, но нѣкогда бывшее резиденціею вождей Бессовъ или Бессарабовъ. Здѣсь именно жилъ Вали-ханъ, посылавшій въ 1346 году

войско свое на помощь византійской императрицѣ Аннѣ Савойской противъ Іоанна Кантакузина. И такъ мы были теперь въ сердцѣ Бессарабіи собственно такъ называемой.

(*Окончаніе въ будущемъ нумерѣ*).

ПРОЗА.

ПРОГУЛКА ПО БЕССАРАБІИ.

(*Окончаніе.*)

Откуда взялось это имя — «Бессарабія»? — Извѣстно, что «Бессарабъ» или «Бессараба», съ конца XIV вѣка, было фамильнымъ именемъ для цѣлой династіи воеводъ валахскихъ, которые владычествовали и падъ Бессарабіей. Но имя это область ли отъ нихъ получила, или они отъ области? Кажется, ни то, ни другое. Родоначальникомъ воеводской династіи «Бессарабовъ» въ Валахіи считается Барбулъ Бессараба, который, уже въ слѣдствіе притѣсненія Турковъ, около половины XV столѣтія, вышелъ изъ нынѣшней Бессарабіи, сначала въ Сербію, а потомъ въ Валахію къ воеводѣ Владу II Лаіотасу, отъ котораго по-

лучилъ титулъ бана краіовскаго. Но какъ, и прежде еще, воеволы Валахіи, начиная съ самаго Радула Чернаго, основателя валахскаго княжества, назывались «Бессарабами», то, кажется, это имя не было фамильнымъ, а просто титульнымъ вождей народа, обитавшаго въ Валахіи и Бессарабіи. Оріенталисты находятъ, что оно можетъ быть составлено изъ слова «раббъ» или «ребъ», означающаго въ нынѣшнемъ турецкомъ языкѣ именно «вождя» или «повелителя»; въ такомъ случаѣ «Бессарабъ» значило бы слово въ слово «повелитель» или «вождь Бессовъ» — народа, какъ я уже имѣлъ случай сказать, жившаго по обѣ стороны дунайскаго устья въ первыхъ вѣкахъ христіанской эры. Еще Геродотъ зналъ Бессовъ, которые въ его время обитали въ горахъ Гемуса, нынѣшняго Балкана. Это, вѣроятно, было одно и то же колѣно, единоплеменное съ Гетами, Даками, и потомъ Антами, въ сосѣдствѣ которыхъ оно встрѣчается и съ которыми вмѣстѣ движется то туда, то сюда, между Балканомъ и Карпатами. Но я сомнѣваюсь, чтобы эти Бессы были турецкіе «Бізы»; мудрено, чтобы орда Турковъ такъ рано могла пробраться въ Балканъ и Карпаты. Сомнѣваюсь, чтобъ и имя «Бессарабъ» было составлено Турками: слово «раббъ» есть собственно арабское, а не турецкое, то же, что еврейское «равви». Скорѣе предположить, что оно значитъ «Бессъ-Сорабъ», или «Бессъ-Сербъ»!

Въ самомъ дѣлѣ, Бессы, равно какъ Геты, Даки и Анты, должны принадлежать къ первобытному славянскому народонаселенію дунайскаго бассейна, котораго обширнѣйшую вѣтвь составляютъ Сербы, давно существующіе подъ нынѣшнимъ своимъ именемъ. Вихри народовъ, набѣгавшіе сюда, то съ запада, то съ востока, перекидывали ихъ съ мѣста на мѣсто. Римская колонизація заставила Бессовъ гнѣздиться въ ущельяхъ горъ по обѣимъ сторонамъ Дуная. Въ VII вѣкѣ, при совершенномъ распаденіи міровластительнаго колосса, за-дунайскіе Бессы съ Балкана, изъ сосѣдства нынѣшней Сербіи, двинулись на сю сторону Дуная, и основались при Алутѣ или Олтѣ, въ нынѣшней Малой Валахіи: мудрено ли, что ихъ вождь, какъ представитель всего племени, тогда жъ еще прозвался «Бессарабомъ», то есть, главою «сербскихъ» или «славянскихъ Бессовъ», чистыхъ Славянъ, въ отличіе отъ Славянъ, объиталіянившихся римскою колонизаціею, которые по той самой причинѣ прозваны «Волохами» или «Влохами», именемъ, до сихъ поръ означающимъ по славянски племя галло-романское? Между тѣмъ натискъ азіятскихъ ордъ съ востока поглотилъ, но не уничтожилъ Бессовъ, остававшихся по сю сторону Дуная, гдѣ они, въ нижней части нынѣшней Бессарабіи, въ VIII вѣкѣ, извѣстны были подъ именемъ Біессовъ и Біессеновъ, смѣшавшихся потомъ съ Печенѣгами и Половцами или Ко-

манами. Впрочемъ можетъ быть и имя Печенѣговъ, по византійски Пацинаковъ, первоначально принадлежало имъ же, усть-дунайскимъ Бессамъ, и было только искаженіемъ древняго имени Певциновъ и Певкиновъ, жителей усть-дунайскаго острова Певки. У этихъ послѣднихъ Бессовъ, имя «Бессарабъ» является также именемъ вождя, только гораздо позже: въ хроникѣ безъименнаго архидіакона гнѣзенскаго оно упоминается подъ 1259 годомъ и отъ него производится областное наименованіе теперешней Бессарабіи. Справимся съ событіями. Съ VII по XIII вѣкъ, много здѣсь протекло воды, много было волненій и переворотовъ. Балканскіе Бессы не остались спокойными въ своихъ новыхъ жилищахъ на Олтѣ. Скоро въ Карпаты ворвались Мадяры, и оттуда бурнымъ потокомъ начали сливаться въ долину Дуная: король венгерскій Стефанъ I, съ 1004 года, владѣлъ уже всею Трансильваніею или нынѣшнимъ седмиградскимъ княжествомъ. Съ другой стороны, Болгаре, которые вѣроятно были виновниками и перваго переселенія Бессовъ съ Балкана за Дунай, не оставляли ихъ здѣсь въ покоѣ: въ 1204 году, краль болгарскій Іоанникій въ самомъ сердцѣ Малой Валахіи заложилъ городъ, который наименовалъ Краіовомъ, то есть «Краемъ — Іоанникія (сокращенно по болгарски — Іо)». Само собою разумѣется, что, при такомъ стѣсненіи съ обѣихъ сторонъ, Бессарабамъ на Олтѣ стало душно;

что жъ естественнѣе было, какъ не двинуться дальше на сѣверо-востокъ, къ своимъ усть-дунайскимъ братьямъ, въ нынѣшнюю Бессарабію? Такъ показаніе гнѣзенскаго лѣтописца совершенно соглашается съ фактами. Смуты, воспослѣдовавшія въ Болгаріи и въ Венгріи въ концѣ XIII столѣтія, дали возможность Радулу Черному, воеводѣ Бессовъ, попавшихся въ Трансильваніи подъ власть Мадяровъ, возстановить независимость Валахіи, къ которой присоединился и краіовскій баннатъ. Радулъ и его преемники удержали за собой почетный титулъ «Бессарабовъ»: около 1356 года, Бессараба, банъ краіовскій, отдалъ свои владѣнія въ приданое за дочерью, которая вышла за-мужъ за Уроша V, краля сербскаго. Но имя Бессарабіи, какъ земли, осталось исключительно за нашею Бессарабіею, откуда Барбулъ въ XV вѣкѣ воротился наконецъ опять въ сторону своихъ дѣдовъ, побывавъ впрочемъ прежде въ Сербіи. Эти частыя связи Бессарабовъ съ Сербіей показываютъ, что они знали свое къ ней отношеніе, что они сами себя считали Бессо-Сербами. И не отсюда ли произошло турецкое названіе «Акъ-Сербъ» — «Бѣлая Сербія» — соотвѣтствующее землѣ Бессарабовъ? Тѣмъ болѣе это вѣроятно, что народное имя «Бессовъ» представляло такое близкое созвучіе съ «біязъ», однозначительномъ у Турковъ съ словомъ «акъ» — «бѣлый».

Стало быть, имя, носимое нынѣ бессарабскою областью, было слѣдствіемъ вторичнаго ославянствованія древней Дакіи, которую Римляне оволошили. Впрочемъ это ославянствованіе было уже не столько народное, сколько политическое. Завоевательное колѣно Бессо-Сербовъ, вѣроятно меньшее въ численномъ количествѣ, не могло преодолѣть волошскаго характера въ потомствѣ колоніи Рима. Языкъ народа, покорствовавшаго Бессарабамъ, остался румынскимъ; но языкъ правительства, языкъ вѣры, языкъ гражданскаго этикета, языкъ всѣхъ главныхъ общественныхъ условій и приличій, съ возвращеніемъ Бессовъ въ Дакію, является бессо-сербскимъ, славянскимъ. Какая странная игра судьбы! Нѣкогда народныя имена Славянъ, у предковъ нынѣшнихъ Румуновъ, были синонимами «рабства» (*Davus*, *Geta*, *Servus*); теперь, у потомковъ древнихъ Римлянъ, названія власти и чести всѣ почти славянскія (*господарь*, *боляръ*, *дворникъ*, *чашникъ*, *постельникъ*, и тому подобныя). Какъ народъ, Бессо-Сербы скоро поглотились большинствомъ Румуновъ, оставивъ только свои преданія при Дворѣ державныхъ Бессарабовъ: ихъ языкъ долго держался въ исключительномъ употребленіи для всѣхъ высшихъ цѣлей общественной и государственной жизни, былъ единственнымъ освященнымъ языкомъ богослуженія, дипломаціи, законодательства, и вообще книгъ; да и теперь, по крайней мѣрѣ буквы, у-

потребляемыя Румунами, все еще кириловскія, славянскія.

Весьма вѣроятно, что Бессы издревле страшны были своимъ сосѣдямъ, даже и единоплеменнымъ; оттого во многихъ славянскихъ нарѣчіяхъ имя ихъ сдѣлалось синонимомъ «злыхъ духовъ». Но, стѣсненные отвсюду, они наконецъ «перебѣсились», завѣщавъ свое молодечество продолжавшимся почти до нашихъ временъ сѣчамъ казаковъ, уклонившихся глубже въ широкое лоно степей. Хищные гайдамаки, до самаго ихъ уничтоженія, слыли «бѣсовыми дѣтьми» въ мирныхъ украинскихъ хижинахъ.

Все это можно было передумать на переѣздѣ отъ Резени до Кишинева, содержащемъ безъ четверти 25 верстъ. Мы проѣхали его въ глубокія сумерки, перекатываясь съ горы на гору. Все было тихо и спокойно. Такъ ли было въ то время, когда грозные Бессарабы воеводствовали въ Карбунѣ? Нынѣшняя столица Бессарабіи встрѣтила насъ мирнымъ фейерверкомъ огней, освѣщавшихъ ее послѣ дневныхъ трудовъ на сонъ грядущій. Мы остановились въ трактирѣ Антонія.

На другой день — это былъ праздникъ Вознесенія — звонъ колоколовъ извѣстилъ насъ, что мы находимся въ городѣ, изобилующемъ храмами Божіими. Мы спѣшили съ нимъ ознакомиться короче и ближе.

Измаилъ удивилъ насъ европейскою физіономіею; но какое разстояніе между имъ и Кишиневомъ! Ни одинъ изъ губернскихъ городовъ новороссійскаго края не можетъ выдержать сравненія съ областнымъ городомъ Бессарабіи. Какая площадь! Какой великолѣпный соборъ! Какіе домы! И это все такъ свѣжо, такъ ново, только-что съ иголочки. Много прекрасныхъ зданій уже совершенно окончано: больше еще строится. Старая молдаванская скорлупа, изъ которой юный городъ развертывается, тѣмъ рѣзче выказываетъ его прелесть, тѣмъ торжественнѣе свидѣтельствуетъ неимовѣрную быстроту его дивнаго преображенія.

Городъ Кишиневъ недавно еще существуетъ въ званіи города. Самое имя его производятъ отъ словъ «кишла» — зимовище, хуторъ» — и «нау» — «новый». Слово «кишла», какъ уже было замѣчено, есть слово татарско-турецкое; слѣдовательно, если это производится справедливо, то Кишинау одолжено первоначальнымъ происхожденіемъ своимъ прихоти какаго нибудь буджацкаго мурзы, прикочевывавшаго сюда со степи, или, можетъ быть, турецкаго паши, имѣвшаго резиденцію въ Бендерахъ, не въ дальнемъ отсюда разстояніи. До присоединенія Бессарабіи къ Россіи, здѣсь была ничтожная деревушка. При организаціи областнаго правительства, выборъ центральнаго города для всей области колебался

ежжду Бендерами и Орхеемъ (нынѣшнимъ Оргеевомъ). Никто и не думалъ о Кишинау. Выборъ установился здѣсь единственно по настоянію знаменитаго экзарха Гавріила Бодони. Въ самомъ дѣлѣ мѣстность совершенно удовлетворяла назначенію: Кишиневъ находится въ самой серединѣ области, на рубежѣ степной и горной Бессарабіи. Владыка учредилъ здѣсь же свою каѳедру, которая донынѣ сохраняетъ имя «митрополіи». Разумѣется, городъ началъ распространяться быстро: но при устройствѣ его порядокъ и вкусъ не принимались во вниманіе. Это была огромная молдаванская деревня до 1834 года, когда начальникомъ области и хозяиномъ города сдѣлался нынѣшній военный губернаторъ кишиневскій, генералъ-лейтенантъ П. И. Федоровъ. Съ тѣхъ поръ началось перерожденіе Кишинева; и теперь, въ какихъ нибудь пять лѣтъ никто не узнаетъ стараго молдаванскаго Кишенау.

Какимъ волшебнымъ жезломъ производится это превращеніе! — Талисманъ заключается въ соревнованіи, которое весьма искусно пробуждено въ самыхъ жителяхъ города. Они строятся добровольно, поощряемые выгодами, которыя предварительно обезпечиваются сооружаемымъ ими домамъ. Это расшевелило даже Евреевъ, которымъ принадлежитъ теперь много прекрасныхъ и великолѣпныхъ зданій. Только Молдаване мало еще принимаютъ участія въ общемъ рвеніи: они про-

должаютъ довольствоваться своими безобразными «касами», гармонирующими съ ихъ полу-азіятскимъ костюмомъ и полу-мусульманскими привычками.

Я не буду распространяться о наружности города, чтобы тѣмъ свободнѣе предаться впечатлѣніямъ, возбуждаемымъ жизнью его пестраго населенія. Въ Кишиневѣ считается теперь больше сорока тысячъ жителей. Всѣ города здѣшняго края отличаются смѣшеніемъ языковъ и племенъ. Но тутъ мы увидѣли въ первый разъ особую стихію румунскую, во всей роскоши ея національной самообразности.

Какъ нарочно для насъ случился праздничный день, знаменующійся въ Кишиневѣ общенародными гуляньями въ прекрасно устроенномъ публичномъ саду. Добрый хозяинъ города имѣлъ любезную благосклонность самъ повести насъ туда. Гулянье только-что начиналось. Середи сада, на широкой площадкѣ, образуемой перекресткомъ аллей, гремѣла полковая музыка. Народъ приливалъ густыми волнами, и частію помѣщался кругомъ площадки, частію разсыпался по аллеямъ.

Еще многіе изъ Румуновъ, особенно старики, сохранили свой народный, живописный костюмъ. Вмѣстѣ съ нимъ, они, кажется, сохраняютъ и глубокое предубѣжденіе противъ всего, отзывающагося новизной русско-европейской цивилизаціи. Эти кореняки, представители упорнаго румунскаго

національнаго, сидѣли безмолвно или прохаживались медленно, погруженные въ самихъ себя. Вѣроятно, они уносились мыслію въ тѣ блаженныя времена, когда Бессарабія оглашалась пронзительными звуками жидовскихъ цимбалъ или бѣшенымъ визгомъ цыганскаго табора. О вкусахъ спорить нельзя; но замѣтно уже, что новое поколѣніе рѣшительно измѣняетъ своимъ отцамъ. Почти вся аристократическая молодость одѣвается по европейски, имѣетъ или по крайней мѣрѣ показываетъ европейскія потребности и прихоти. Первый знакъ къ отступленію отъ старины, разумѣется, и здѣсь, какъ вездѣ, подается прекрасною половиною человѣческаго рода. Вы уже не различите теперь по платью румунскихъ куконицъ и куконъ; богатѣйшія изъ нихъ разубраны по парижскимъ, или по крайней мѣрѣ вѣнскимъ картинкамъ модъ.

Вообще образованіе Румуновъ идетъ еще очень туго. Въ аристократіи есть порывы къ цивилизаціи; но чѣмъ они обнаруживаются? Первымъ долгомъ считается умѣть говорить по французски и одѣться по нѣмецки. Языкъ французскій, разумѣется, съ молдаванскимъ произношеніемъ и безъ всякихъ идей — это все, полный курсъ мудрости и просвѣщенія! До Парижа далеко, и потому онъ извѣстенъ здѣсь только по слухъ; но за то многіе бываютъ въ Вѣнѣ. Вѣна — высочайшій идеалъ, до какаго только можетъ прости-

раться воображеніе Румупа! Кто былъ въ Вѣнѣ, тотъ считается образцомъ всѣхъ возможныхъ совершенствъ, джентельменомъ *nec plus ultra*. Но ни французское лепетанье, ни фашіонабельное путешествіе въ завѣтную столицу Австріи, не препятствуютъ «львамъ» бессарабской аристократіи коснѣть въ праотеческихъ привычкахъ, представляющихъ сліяніе боярской спеси съ мусульманскою невзыскательностью. Говорятъ, случается еще видѣть щегольскую вѣнскую коляску, у которой передъ козлами прибиты гвоздями большіе сапоги, а къ козламъ пришито кучерское платье: въ это полное облаченіе влѣзаетъ нагой Цыганъ, когда получаетъ повелѣніе исправлять должность возницы. По сему же и прочая разумѣвай. Чтеніе еще не вошло въ потребность румунской образованности. По русски рѣдко кто умѣетъ и говорить, не только читать. Національной литтературы пока вовсе нѣтъ. Книги иностранныя считаются неумѣстною роскошью, которую дозволяютъ себѣ немногіе.

Между тѣмъ правительство съ своей стороны неусыпно печется о водвореніи истиннаго просвѣщенія въ столицѣ Бессарабіи. Кишиневъ давно уже имѣетъ духовную семинарію для снабженія храмовъ Божіихъ достойными пастырями; при этой семинаріи нѣсколько лѣтъ находился пансіонъ, имѣвшій цѣлію образованіе переводчиковъ для государственной службы въ области: покой-

ный Венелинъ, при первомъ своемъ вступленіи въ Россію, исправлялъ тутъ должность надзирателя. Гимназія открыта недавно, но находится въ полномъ ходу, обѣщающемъ несомнѣнные успѣхи: при ней существуетъ благородный пансіонъ, отлично устроенный. Уѣздное училище имѣетъ ланкастерскую школу, снабженную такъ роскошно, какъ нигдѣ въ Россіи: это распоряженіе, простирающееся въ равной мѣрѣ и на прочіе города области, въ которыхъ находятся уѣздныя училища, принадлежитъ единственно просвѣщенному усердію нынѣшняго областнаго начальника. Есть также училище для канцелярскихъ служителей. Даже Евреи учредили для себя родъ высшаго уѣзднаго училища, по образцу подобнаго въ Одессѣ. Видно, что городъ возрождается не только наружно, но и внутренно. Только для созрѣнія духовныхъ сѣмянъ потребно время, и время.

Долго пробыли мы въ саду. Невозможно налюбоваться внимательностію, съ какою устроено здѣсь все для удовольствія гуляющихъ, которыхъ большую часть надо еще учить находить удовольствіе въ гуляньѣ. Тамъ устроена прекрасная бесѣдка съ широкими балконами. Здѣсь возвышается зданіе «клуба», снабженное роскошнымъ буфетомъ. Мысль, учредить «клубъ» въ Кишиневѣ, есть самая счастливая: это лучшее средство сблизить румунскихъ бояръ съ русскими жителями

города, расшевелить въ нихъ чувство общественности, сгладить съ лицъ ихъ боярскую важность и привить къ нимъ русское радушіе. Для полноты русскаго раздолья, сдѣланы русскія качели; и это, кажется, самый опасный камень претыканія для румунской національности: тутъ часто не только вѣтреная младость, но и допотопные антики увлекаются этимъ заманчивымъ удовольствіемъ.

Въ Кишиневѣ есть и театръ — театръ русскій! Мы взяли билеты и просидѣли все представленіе. Играли какую-то комедію, переводъ г. Лепскаго: такъ, помню, сказано было въ аффишѣ. Что̀ касается до названія, то, откровенно винюсь, не припомню. Актеры играли преусердно, и публика была очень признательна: она награждала ихъ часто рукоплесканіями, но еще чаще шумнымъ хохотомъ при каждой остротѣ. Въ театрѣ находился молодой гвардейскій офицеръ молдавскаго господаря, весь залитый въ золотѣ, котораго я видѣлъ еще въ саду. Зная по русски, онъ внимательно слѣдилъ за представленіемъ и не рѣдко дѣлалъ гласно свои замѣчанія, разумѣется по французски, сравнивая здѣшнихъ актеровъ съ французскою труппою, играющею въ Яссахъ. Замѣчанія эти не были слишкомъ неблагопріятны для кишиневскихъ артистовъ. Впрочемъ на этотъ разъ труппа была не въ полномъ своемъ блескѣ: на сценѣ не было знаменитаго Солсника, въ то время

принадлежавшаго кишиневскому театру. Намъ обѣщали именно для насъ дать «Гамлета», и въ новомъ переводѣ г. Полеваго. «Гамлетъ» — на кишиневскомъ театрѣ! Это, конечно, стоило посмотрѣть. Къ сожалѣнію, обстоятельства расположились такъ, что намъ этого удовольствія не досталось. Театръ заключился разными плясками, которыя также были осыпаны рукоплесканіями.

Повторю опять: Кишиневъ перерождается во всѣхъ отношеніяхъ; и это будетъ имѣть благодѣтельное вліяніе на всю Бессарабію. Уже и теперь многіе съ гордостію говорятъ о Кишиневѣ и даже дерзаютъ сравнивать его съ Яссами; а Яссы, въ понятіяхъ Бессараблянъ, занимаютъ первое мѣсто послѣ Вѣны: въ Одессѣ они бываютъ рѣдко; о Петербургѣ и Москвѣ знаютъ только, что тамъ очень холодно. Надо въ самомъ сердцѣ родной ихъ стороны утверждать разсадники истиннаго просвѣщенія, водворять и развивать общественность со всѣми ея благородными наслажденіями, споспѣшествовать пробужденію вкуса и любви къ порядку, къ гармоніи, къ изяществу. Всему этому полагаются теперь благія начала; и будетъ время, что это будетъ! Тогда мѣстный патріотизмъ разовьетъ благородное чувство симпатіи и соревнованія къ общей жизни великаго отечества, усыновившаго себѣ страну Румуновъ. И Россія сдѣлаетъ пріобрѣтеніе. Возрожденное

потомство Римлянъ не будетъ лишнимъ въ ея семьѣ; напротивъ, обогатитъ ея народную физіономію новыми оттѣнками, оразнообразитъ игру общественной ея жизни.

Въ этотъ разъ только сутки провели мы въ Кишиневѣ. Въ слѣдующій день, около десяти часовъ утра, отправились въ дальнѣйшій путь. Погода все колебалась. День разсвѣнулъ сѣренькимъ, подернутымъ облачками, изъ–за которыхъ впрочемъ временами выглядывало солнце.

Дорога продолжалась черезъ пригорки, успѣвшіе уже пріодѣться свѣжею зеленью весны. Пригорки эти не такъ высоки, какъ между Леовомъ и Кишиневомъ. Кишиневъ лежитъ на юго-восточной оконечности реберъ, составляющихъ горный остовъ сѣверной Бессарабіи. Рѣка Быкъ, при которой онъ находится, принадлежитъ уже къ бассейну Днѣстра.

Первая смѣна лошадей, черезъ $22^1/_2$ версты, при деревнѣ Пересѣчени. Положеніе этой деревни, въ прелестной долинѣ, которой бока зарощены густыми садами, очень живописно. Но, любуясь видомъ, я не забылъ этимологическаго конька, заносящаго меня въ другой слой мечтаній. Имя «Пересѣчени» обратило мое вниманіе уже и тѣмъ, что въ немъ въ первый разъ внутри Бессарабіи услышалъ я чистые славянскіе звуки, съ насѣчкою румунскаго чекана. Значитъ, оно принесено сюда не Русскими послѣ завоеванія области. Но

это еще не самое важное. Мнѣ вспомнился древній городъ Пересѣчень, упоминаемый въ нашей лѣтописи еще при великомъ князѣ Игорѣ, слѣдовательно въ началѣ X вѣка. Тамъ говорится, что это былъ городъ «Уличей» или «Угличей»: воевода Игоревъ, Свентельдъ, стоялъ подъ нимъ цѣлые три года и едва успѣлъ наконецъ взять. Еще не рѣшено до сихъ поръ, кто были эти «Уличи», или «Угличи», или, еще по другимъ варіантамъ, «Углецы». Изъ соображенія нѣкоторыхъ параллельныхъ мѣстъ лѣтописи, впрочемъ параллельныхъ только наружно, Шлецеръ вывелъ заключеніе, что «Уличи» должны быть «Суличи», жители по рѣкѣ Сулѣ, впадающей, какъ извѣстно, въ Днѣпръ съ лѣвой стороны, въ нынѣшней полтавской губерніи. Другое мнѣніе, котораго онъ не опровергаетъ, помѣщаетъ «Угличей» на рѣкѣ Орели, впадающей въ Днѣпръ съ той же стороны нѣсколько ниже Сулы, въ теперешней екатеринославской губерніи, по той причинѣ, что будто эта рѣка называлась когда-то Угль. Въ обоихъ случаяхъ, это выходитъ народъ, обитавшій въ приднѣпровскихъ степяхъ. Но возможно ли, чтобы тамъ, на этой безбрежной равнинѣ, покрытой однимъ ковылемъ, въ тѣ отдаленныя времена существовалъ городъ, подъ которымъ должно было простоять три года? И куда жъ бы онъ потомъ дѣвался, не оставя по себѣ никакихъ слѣдовъ?... Въ лѣтописи прибавляется, что «Уличи» или «Уг-

личи» сидѣли внизъ по Днѣпру, но потомъ перешли Днѣстръ и сѣли тамъ. Это что-то близко уже къ бессарабскому «Пересѣчени». Но еще важнѣе, что въ этнографической росписи славянскихъ племенъ, предлагаемой тою же самою лѣтописью, «Улицы», вмѣстѣ съ Тиверцами, показаны «присѣдящими ко Дунаеви», причемъ прибавлено еще, что «множество ихъ сидѣли по Бугу и по Днѣстру, иные до моря». Тутъ ужъ, кажется, столько ясно, что и разсуждать нечего. Припомнимъ, что «Татары», поселясь въ позднѣйшее время въ южной Бессарабіи, между Днѣстромъ и Дунаемъ, назвались «Буджаками», то есть «Угловыми». Племя Славянъ, жившихъ въ томъ же самомъ углу, какъ иначе могло назвать себя, какъ не «Угличами», или пожалуй «Углецами»? Даже очень можетъ быть, что Татары, занявъ ихъ мѣсто, отъ нихъ заимствовали и прозвище, только перетолмачивъ его по своему. Вѣроятно, этихъ-то при-дунайскихъ и при-днѣстровскихъ «Угличей» императоръ Константинъ Порфирогенетъ разумѣлъ подъ именемъ «Ультиновъ». Какъ же теперь объяснить то мѣсто лѣтописи, гдѣ говорится, что «Угличи» сидѣли по Днѣпру внизъ, и потомъ перешли Днѣстръ, или пришли на Днѣстръ (текстъ здѣсь очень теменъ и очевидно обезображенъ)? А такъ, что «Угличи», подобно преемникамъ своимъ «Буджакамъ», прогуливались по раздолью степей до Днѣпра, да тамъ и приживали. Вѣщій

Олегъ, округляя свои владѣнія преимущественно съ сѣверо-востока и съ сѣверо-запада, только лишь «имѣлъ рать» съ «У(г)личами» и Тиверцами. Воевода Игоревъ, воспитанный въ школѣ Олега, обратился настойчивѣе къ югу. Онъ «примучилъ» попавшихся ему на Днѣпрѣ «Угличей», то есть, заставилъ покориться: по отдаленное за Днѣстромъ «Пересѣчени» отказалось платить дань; и Свентельдъ, судя по теперешнему положенію мѣста, былъ еще герой, когда успѣлъ взять его хоть въ три года. Въ самомъ дѣлѣ, это живописное мѣстоположеніе съ тѣмъ вмѣстѣ есть превосходная натуральная крѣпость. Скажутъ: слишкомъ далеко отсюда до Кіева; но Новгородъ чуть ли не вдвое дальше, а Руссамъ это была прогулка; притомъ здѣсь лежала сухопутная дорога въ Болгарію и Царьградъ, куда взоры нашихъ предковъ стремились безпрестанно съ горъ кіевскихъ. Возразятъ еще, что въ старинномъ спискѣ русскихъ городовъ, находящемся при нѣкоторыхъ спискахъ лѣтописей и относящемся уже къ позднѣйшему времени, «Пересѣчень» упоминается въ числѣ городовъ кіевскихъ; но тамъ также находится и городъ «Корсунь»: что же, къ этому Корсуню должно относить всѣ происшествія древней нашей исторіи, при которыхъ упоминается это имя, а не къ отдаленному Херсонесу-таврическому? — Однимъ словомъ: я увѣренъ, что нашелъ настоящій Свентельдовъ Пересѣчень и настоящихъ Уг-

личей-Славянъ. Вообще древняя наша географія тѣмъ запутана, что никто не пріурочивалъ ее живымъ наблюденіемъ. Ларчикъ часто открывается гораздо проще, нежели какъ думается намъ въ кабинетѣ надъ грудами книгъ.

За драгоцѣннымъ моимъ «Пересѣченемъ» начинаются такъ называемые «Оргеевскіе лѣса», важнѣйшіе и обширнѣйшіе во всей Бессарабіи. Они покрываютъ большую часть уѣздовъ кишиневскаго и оргеевскаго, даже входятъ частями въ кагульскій, бендерскій и ясскій. Имя ихъ заимствовано отъ города Оргеева, который отстоитъ отъ Пересѣчени на одинъ почтовый перегонъ, заключающій 17 верстъ.

Городъ Оргеевъ, до соединенія Бессарабіи съ Россіею, былъ главнымъ ея городомъ, резиденціею «сердаря бессарабскаго». Тогда онъ назывался Орхей или Орхеи. При первой организаціи области русскимъ правительствомъ, Орхей, сдавъ свое мѣсто Кишиневу, не удостоился и званія уѣзднаго города. Эта честь предоставлена ему только въ 1836 году, при послѣднемъ преобразованіи бессарабской карты. Онъ находится при рѣкѣ Реутѣ, главной изъ внутреннихъ рѣкъ сѣверной Бессарабіи, впадающей тоже въ Днѣстръ. Ничего въ немъ нѣтъ замѣчательнаго. Народонаселеніе простирается до четырехъ тысячъ душъ. Физіономія — молдавано-жидовская.

Лѣса за Оргеевомъ опять прекращаются; но земля все холмится, особенно вкругъ долины Реута, которою идетъ дорога. Высоты, межъ которыми заключается ложе рѣки, пресыщены известнякомъ; въ удольяхъ стелются роскошныя пастбища. По обѣ стороны Реута толпятся таинственныя «могилы», то запирая долину какъ будто вытянутою нарочно цѣпью, то разсыпаясь по бокамъ ея безъ всякой видимой правильности и симметріи. Что могутъ тутъ значить эти онѣмѣвшіе остатки старины незапамятной? Тутъ уже нельзя думать ни о сторожевыхъ подзорныхъ маякахъ, ни тѣмъ менѣе объ укрѣпленіяхъ. Мѣстность сама природа укрѣпляетъ холмами, которые въ то же время служатъ лучшими ведетами для подзорной сторожевой цѣпи. Кто забавлялся этою странною, неизъяснимою работою? Отчего курганы здѣсь кроются смиренно въ долинѣ, тамъ гордо красуются на высотахъ? Часто видишъ себя какъ будто въ кругу, ими опоясанномъ. Въ другомъ мѣстѣ, они растягиваются передъ вами длиннымъ строемъ. Иногда одинокій отшельникъ торчитъ на вершинѣ холма, или во глубинѣ долины. Чаще встрѣчаются пары, двойники, изъ которыхъ одинъ бываетъ нѣсколько побольше. Въ особенности замѣчательно мѣстоположеніе города Бѣлецъ, который находится тоже на Реутѣ. Вокругъ него, по всѣмъ высотамъ виднѣются курганы-двойники, и разстояніе ихъ другъ отъ друга пред-

ставляетъ нѣкоторый, можетъ быть, обманчивый, но тѣмъ не менѣе поразительный призракъ симметріи.

Отъ Оргеева до Бѣлецъ три перегона: первый, въ 25 верстъ, до Саратени; второй, въ 27 верстъ, до Копачени; третій, до Бѣлецъ, въ 28 верстъ.

Бѣльцы пожалованы городомъ со времени русскаго владычества. По первоначальному учрежденію, здѣсь утвержденъ центръ для обширнаго цинута, простиравшагося во всю ширину Бессарабіи между цинутами кишиневскимъ и хотинскимъ. Все это пространство удержало за собой имя цинута ясскаго, въ память прежней непосредственной зависимости отъ молдавской столицы Яссъ. Теперь отдѣлены большей частію отъ него два новообразованные уѣзда: оргеевскій и сорокскій; но имя ясскаго осталось при уѣздѣ, подчиненномъ Бѣльцамъ. По своему положенію въ средоточіи верхней Бессарабіи, Бѣльцы сдѣлались центромъ окружной торговли, пускающей вѣтви свои и за границу. Здѣсь каждый мѣсяцъ бываютъ ярмарки, на которыя преимущественно пригоняютъ рогатый скотъ и лошадей, какъ изъ самой Бессарабіи, такъ и изъ смежныхъ губерній, подольской и херсонской. Закупщики пріѣзжаютъ изъ Молдавіи и изъ Австріи. Оттого въ Бѣльцахъ много зажиточнаго купечества, большей частью изъ Евреевъ изъ изъ Армяинъ. Впрочемъ городъ обстроенъ весьма небрежно, и по случаю дождя,

шедшаго всю ночь, которую мы провели на копаченской станціи, встрѣтилъ насъ топучею, непроходимою грязью. При всемъ томъ видъ его очень милъ, съ пріѣзда отъ Кишинева. Бѣленькія мазанки раскиданныя въ живописномъ безпорядкѣ по скату, тонутъ въ густой зелени садовъ. Огромное, не по городу, зданіе, выстроено не такъ давно для церкви; но оно вовсе не имѣетъ того священнаго типа, подъ которымъ мы привыкли представлять храмъ Божій. Это совершенно простой домъ. Назначеніе его обнаруживается только двумя крестами, поставленными по оба конца двухреберной кровли. Въ городѣ есть уѣздное училище. Сверхъ того, военный полугоспиталь помѣщается въ довольно красивыхъ, хотя и миніятюрныхъ, зданіяхъ. Жителей въ Бѣльцахъ около четырехъ тысячъ пяти сотъ душъ.

Мы остановились въ трактирѣ: Бѣльцы имѣютъ трактиръ! Что городъ, то норовъ; и я имѣлъ случай замѣтить черту, которая показалась мнѣ любопытнымъ идіотизмомъ бѣлецкаго житья бытья. Мы пріѣхали утромъ, часовъ около семи. Бѣлецкіе граждане, разумѣется чиновные, только что просыпались и завтракали. Но какъ завтракали? Съ удивленіемъ замѣтили мы еще передъ трактиромъ толпу дѣвокъ, которыя толклись взадъ и впередъ, мѣся грязь босыми ногами: каждая изъ нихъ держала въ рукахъ небольшой глиняной чайникъ. Это были служанки, приходившія изъ

домовъ въ трактиръ за утреннимъ чаемъ для господъ и госпожъ. Услужливый трактирщикъ нацѣживалъ имъ кипящей влаги, уже смѣшанной съ чаемъ, какъ слѣдуетъ, и благоуханіе китайской травы разливалось дымящимся паромъ на улицахъ. Конечно, недостатокъ уголья причиною, что здѣсь не держатъ собственныхъ самоваровъ, этихъ домашнихъ очаговъ русскаго семейнаго быта и счастія. Мы не имѣли случая попробовать, какъ далекъ поваръ бѣлецкаго трактира въ гастрономическомъ искусствѣ: полиціймейстеръ города, старый воинъ, пожертвовавшій отчизнѣ ногами, оказалъ намъ радушное, истинно русское, гостепріимство.

Изъ Бѣлецъ въ Хотинъ идетъ прямая дорога; но мы предпочли сдѣлать крюкъ, чтобы взглянуть на городъ Сороку и проѣхать берегомъ Днѣстра. И такъ мы взяли направо, къ востоку. Дорога здѣсь не только почтовая, но и первостепенная, осьмикопеечная: она, черезъ Могилевъ на Днѣстрѣ, соединяетъ Петербургъ съ Молдавіею и Валахіею.

Между Бѣльцами и Сорокою одна только станція Кайнари–Веки, отъ Бѣлецъ $29^1/_2$, отъ Сороки 23 версты. Небольшой лѣсокъ подбѣгаетъ къ дорогѣ подъ самою Сорокою. Холмы продолжаются. Мы наѣхали на Сороку уже въ сумерки.

Говорю, наѣхали; потому что новопроизведенный городъ Сорока, впрочемъ имѣющій жителей

до трехъ тысячъ душъ, лежитъ подъ крутымъ и довольно высокимъ берегомъ, надъ самой струей Днѣстра. Даромъ что новый въ званіи уѣзднаго, городъ имѣетъ сановитости болѣе, чѣмъ прочіе его собратья, старшіе по производству. Онъ украшается въ особенности старинным массивнымъ замкомъ, обставленнымъ высокими бойницами. Построеніе этого замка съ вѣроятностію можетъ быть отнесено къ эпохѣ Генуэзцевъ. Есть преданіе, что Генуэзцы, по взятіи Монкастро Турками, удалились въ Сороку, гдѣ будто находились недавно еще латинскія надписи, свидѣтельствующія ихъ пребываніе: можетъ быть, онѣ есть и теперь; но мы не были во внутренности замка. Въ послѣдующія времена Сорока ограждала турецкую Молдавію отъ Польши, въ особенности отъ казаковъ. За то первая она жъ и страдала, когда эти вольные дѣти степей прорывались за Днѣстръ потѣшиться надъ бусурманами. Въ 1683 году, ознаменованномъ избавленіемъ Вѣны отъ Турковъ рыцарскою храбростью Яна Собѣскаго, Куницкій, гетманъ казаковъ на правой сторонѣ Днѣпра, очистивъ нижнюю Подолію отъ засѣвшихъ въ ней подъ турецкимъ бунчукомъ Молдаванъ, взялъ Сороку, и отсюда разрушительнымъ вихремъ промчался внизъ до твердынь Аккермана. Черезъ восемь лѣтъ, вольница казацкая, нанятая, подъ рукой самаго Собѣскаго, бородатымъ кастелланомъ хельмскимъ, Казимиромъ Завацкимъ,

повторила ту же исторію, и чрезъ Сороку добралась до самаго сердца Молдавіи, до Сучавы и Нямца; кажется, этотъ подвигъ доставилъ и гетманскую булаву предводителю его Самусю. Вотъ что было здѣсь во времена прежнія. Теперь нѣтъ ни Турковъ, ни казаковъ, ни Молдаванъ, ни Поляковъ. Одни красноногіе аисты, перелетая черезъ Днѣстръ, отдыхаютъ на опустѣлыхъ башняхъ Сороки.

Имя Татаръ сохраняется еще въ деревнѣ Татаревка-Веки, при которой находится станція, въ 27 верстахъ отъ Сороки. За ней, лошади мѣняются черезъ 24 версты, въ Аттакахъ, противъ самаго Могилева на Днѣстрѣ.

Видъ Могилева представляетъ очаровательнѣйшій ландшафтъ. Мы не были въ немъ; но тѣмъ лучше: онъ весь былъ у насъ подъ ногами. Съ высоты бессарабскаго берега Днѣстра можно перечесть всѣ его домы, разсыпанные надъ самой рѣкой. Въ устройствѣ города очевидна печать дисциплины, которой онъ нѣкогда былъ средоточіемъ и святилищемъ. Но съ тѣмъ вмѣстѣ ощутительно и запустѣніе: нынѣшнее населеніе Могилева не соотвѣтствуетъ его наружности.

Аттаки есть большое мѣстечко, роскошествующее Евреями. Кажется, оно не принимало участія въ прежнемъ цвѣтущемъ состояніи своего сосѣда. Ничто не отличаетъ его отъ прочихъ бессарабскихъ селеній, кромѣ живописнаго положе-

нія на крутомъ скатѣ высокаго каменистаго берега. Вообще долина Днѣстра отличается здѣсь очаровательною прелестью. Бессарабскій берегъ величавъ до дикости; но подольскій пышенъ и узорчатъ, какъ кайма роскошной азіятской шали. Всякой разъ, какъ дорога наша приближалась къ Днѣстру, мнѣ припоминалось впечатлѣніе, произведенное на меня первымъ видомъ Италіи въ полушвейцарской долинѣ Точи. Та же роскошь зелени на пухлыхъ округлостяхъ миніятюрныхъ холмовъ; и среди ней, стада бѣлоснѣжныхъ домиковъ, толпящихся вкругъ Божьяго храма, залитыя прозрачною синевою небесъ.

Вскорѣ за Аттаками дорога взяла опять влѣво отъ Днѣстра, и пошла гористою степью. На слѣдующей станціи, при селеніи Окницѣ, черезъ 26 верстъ, мы въѣхали въ нынѣшній хотинскій уѣздъ. Цинутъ хотинскій въ прежнемъ своемъ объемѣ составлялъ нѣкогда турецкую райю, находившуюся въ непосредственной зависимости отъ Блистательной Порты. Турки были здѣсь хозяевами и помѣщиками; оттого многія деревни носятъ еще названіе «кишлъ», то есть, хуторовъ, гдѣ прохлаждались правовѣрные. Они точно должны были «прохлаждаться» въ сторонѣ, которая въ Бессарабіи слыветъ уже Сибирью. Здѣсь, въ часто попадающихся перелѣскахъ, является уже береза, эта кудрявая дочь сѣвера, незнакомая югу. Зима, говорятъ, бываетъ очень сурова и продолжительна.

Но Турки такъ обжились, что ихъ надо было прогнать снова въ ихъ теплый край сѣверными штыками. Теперь мѣста ихъ заняты большей частью русскими переселенцами, преимущественно изъ сосѣднихъ Подоліи и Украйны.

Недавно еще изъ Окницы лежала прямая дорога въ Хотинъ, черезъ Бричапы и Путриду. Теперь она возвращается назадъ, на дорогу изъ Бѣлецъ, въ станцію Глинную, отстоящую отъ Окницы на почтовой перегонъ въ 25 верстъ. Отсюда 32 версты до мѣстечка Липканъ, которое находится опять уже па Прутѣ.

Приближеніе Прута возвѣщается усиленіемъ горъ, иногда возвышающихся живописными грядами. Я особенно любовался фантазіею природы, взгромоздившей надъ небольшою рѣчкою Раковецъ обольстительный призракъ развалившагося рыцарскаго замка. Долго не могъ я убѣдить себя, что эта была просто скала, обломанная стихіями.

Мѣстечко Липканы находится на поворотѣ Прута, который до сихъ поръ имѣетъ направленіе съ запада на востокъ, но отсюда устремляется къ югу. Здѣсь находится карантинная застава. Прекрасная церковь, новѣйшей архитектуры, возвышается подлѣ палацца, принадлежащаго госпожѣ мѣстечка, княгинѣ Гикѣ, устроеннаго со вкусомъ и даже нѣкоторою изысканностію. Замѣчательно однако, что, остановясь ночевать на станціи, возлѣ самаго господскаго дома, мы во всемъ

мѣстечкѣ не могли промыслить угольевъ для самовара.

На станціи Станилешти, въ 20 верстахъ отъ Липканъ, дорога въ послѣдній разъ въ предѣлахъ Россіи раздѣляется на два коротенькіе рукава, изъ которыхъ одинъ идетъ по Пруту въ Новоселицу, другой продолжается до Хотина. Хотинъ отсюда $22\frac{3}{4}$ верстъ. Присоединя разстояніе Станилешть отъ Прута, которое не простирается и на 10 верстъ, видите, что между Прутомъ и Днѣстромъ здѣсь всего-на-все какихъ нибудь верстъ 30. Это вся ширина Бессарабіи въ ея сѣверной оконечности, заключающейся между Молдавіей и Австріей.

Проливной дождь, и еще съ ужасною грозой, встрѣтилъ насъ въ Хотинѣ. Изъ запачканнаго окошка жидовской мурьи, называемой здѣсь трактиромъ, страшно было смотрѣть, какъ вода грязными потоками стремилась по косогору, на которомъ лѣпится городъ. Хижинки, связанныя изъ камыша, слѣпленнаго глиной, казалось, ползли подъ гору. Этихъ хижинокъ насчитываютъ здѣсь далеко за тысячу, и въ нихъ жителей до девяти тысячъ! Но по улицѣ, которая впрочемъ считается главною, изрѣдка мелькала какая нибудь фигура мокраго Еврея, который вязъ въ грязи по колѣна, или киверъ бодраго русскаго воина, смѣло топчущаго грязь своими ногами. Другихъ живыхъ существъ не замѣчалось въ городѣ.

Возлѣ города, надъ самымъ Днѣстромъ, находится знаменитая хотинская крѣпость, такъ часто встрѣчающаяся въ исторіи Польши, Турціи и Россіи. Она сохраняется до сихъ поръ на военной ногѣ, и своими распространяющимися укрѣпленіями вытѣсняетъ городъ на высоту берега. Нѣтъ нужды описывать подробно судьбу Хотина, слишкомъ всѣмъ извѣстную: краснорѣчивѣйшимъ символомъ ея остается нынѣшній городскій соборъ, который нѣсколько разъ былъ то мечетью, то костеломъ, то православной церковью, какою вѣрно теперь останется навсегда. Крѣпость хотинская укрѣплена Турками съ помощью французскихъ инженеровъ. Теперь нѣтъ ужъ никакихъ памятниковъ туречины. Но давно ли было время, когда Хотинъ видѣлъ въ стѣнахъ своихъ самаго великаго падишаха, съ побѣдоноснымъ знаменемъ Пророка! Назадъ тому сто семдесятъ семь лѣтъ, Мухаммедъ IV, предводительствуя полуторастатысячною арміею, устремился на Каменецъ, столицу Подоліи, отстоящую отъ Хотина только на 22 версты. Берега Днѣстра были совершенно брошены Поляками, въ то время ссорившимися съ своимъ собственнымъ королемъ, злополучнымъ Михаиломъ Вишневецкимъ, такъ что Турки долго боялись переходить рѣку, предполагая такую безпримѣрную небрежность умышленною. Каменецъ палъ. Султанъ въѣхалъ верхомъ въ соборный католическій костелъ, какъ нѣкогда Мухаммедъ II

въ святую Софію. И такъ сильна была ненависть казаковъ къ Польшѣ и къ католичеству, что предводитель ихъ, Дорошенко, передавшійся султану, равнодушно видѣлъ, какъ въ его глазахъ выбрасывали кости мертвецовъ изъ храмовъ, мостили улицы образами... Русскіе, возвратясь въ древнее достояніе своихъ предковъ, отплатили бусурманамъ съ лихвою. Минихъ въ первый разъ водрузилъ нашихъ орловъ на стѣнахъ Хотина, предъ которыми смирялся герой Собѣскій: это было въ 1730 году, спустя только пятдесятъ-восемь лѣтъ послѣ торжества Мухаммеда IV. Сбылось наконецъ пророчество, начертанное надъ мавзолеемъ знаменитаго Жолкѣвскаго, упоившаго своею кровью поля Бессарабіи:

Exoriare aliquis nostris ex ossibus ultor?

Съ тѣхъ поръ Хотинъ еще дважды былъ занимаемъ Русскими, въ 1769 и 1788 годахъ, до тѣхъ поръ, пока съ Бессарабіей присоединился окончательно къ Россіи. При Туркахъ, городъ имѣлъ, говорятъ, до двадцати тысячъ жителей; за то не было въ немъ уѣзднаго училища, тѣмъ болѣе прекрасной ланкастерской школы, которыя теперь процвѣтаютъ.

По ту сторону Днѣстра роскошно стелется Подолія. Устье Смотрича, которымъ опоясывается Каменецъ, бѣлѣется вдали, по теченію рѣки. Нѣсколько выше Хотина, на крутомъ берегу кра-

суется прелестное мѣстечко Жванецъ, извѣстное подтвержденіемъ зборовскаго договора между Польшей и славнымъ Богданомъ Хмѣльницкимъ въ 1653 году. Въ двухъ верстахъ отъ Жванца, устье Збруча, на которомъ находится мѣстечко Исаковцы, съ пограничною отъ Австрійской имперіи таможнею.

На бессарабской сторонѣ земля русская продолжается нѣсколько далѣе, до ручья, называемаго Черный Потокъ. Тамъ Австрія переходитъ черезъ Днѣстръ. Другая имперія, другія формы государственнаго и гражданскаго существованія, другой міръ политическій! А между тѣмъ природа та же, и люди тѣ же!.. Прекрасная днѣстровская долина продолжается одинаково по обѣ стороны роковой черты. Жители — одного происхожденія, однихъ нравовъ, одной физіономіи, одного языка, одной вѣры. Своенравіе судьбы разорвало семью кровныхъ братьевъ. Съ грустью преслѣдовалъ я голубую ленту Днѣстра во владѣніяхъ Австріи: это одна изъ немногихъ русскихъ рѣкъ, которыхъ начало на чужбинѣ! Мнѣ казалось, что въ струяхъ ея слышался жалобный голосъ древней Галицкой земли, этой первовѣнчанной Руси, нынѣ развѣнчанной въ нѣмецкую провинцію. Страна Володарей, Романовъ, Даніиловъ! Куда дѣвалась твоя слава, гремѣвшая отъ Дуная до Нѣмана, отъ горъ карпатскихъ до горъ кіевскихъ, слава дѣвственная, неприступная ни для

всениспровергающаго насилія Татаръ, ни для соблазновъ всеуловляющаго Ватикана? Гдѣ мечъ, который гордо состязался съ «мечемъ Петра»? Гдѣ могучая рука, «оравшая Литвой»? Гдѣ златокованный столъ, «опиравшійся на угорскихъ горахъ, затворявшій ворота Дунаю»? Гдѣ Дворъ, дававшій прибѣжище наслѣдникамъ вѣнца Константиновъ, порфиры Августовъ, воспитывавшій кесарей для Царяграда?.. Увы! Этотъ Галичъ, столица перваго русскаго царства — его и не отыщешь на берегу онѣмеченнаго Днѣстра!.. Того стараго «Осьмомысла» позабыто и имя въ бѣдномъ жидовскомъ мѣстечкѣ, куда не проложено даже дороги для любопытныхъ, пожелавшихъ бы взглянуть на священныя развалины!..

Граница австрійская по сю сторону Днѣстра заперта обоюдною таможенною цѣпью, которая раздвигается только въ Новоселицѣ, мѣстечкѣ хотинскаго уѣзда, лежащемъ на Прутѣ. Прежде была туда особая дорога изъ Хотина, черезъ станцію Керстенецъ. Теперь нѣтъ другаго почтоваго сообщенія, какъ назадъ чрезъ Станилешти. Мы завернули въ этотъ уголокъ, при которомъ сходятся всѣ три имперіи Европы: Россійская, Австрійская и Оттоманская. Это небольшое мѣстечко, принадлежащее г. Стурдзѣ, одному изъ бессарабскихъ помѣщиковъ. Оно находится въ 28 верстахъ отъ станилештской станціи, въ глубинѣ прутской долины. Уединеніе его оживляется со

средоточеніемъ таможеннаго и карантинnаго управленія. Только 4 мили или 30 верстъ отсюда до Черновица, главнаго города Буковины, лежащаго также на Прутѣ. Горы Молдавіи достигаютъ своей тѣнью до мѣстечка, отдѣляемаго отъ нихъ только струей рѣки. Черта, разграничивающая съ Австріей, обозначается ручейкомъ, называемымъ Керпецъ, за которымъ продолжается еще имя Новоселицы.

Столбы новоселицкой заставы были для насъ Геркулесовыми столбами. Конецъ благополучну бѣгу! Дальше некуда. Мы воротились опять въ Липканы, опять по той же дорогѣ, въ третій разъ черезъ завѣтную станилештскую станцію.

Но въ Липканахъ путешествіе наше должно было получить совершенно новый характеръ. Чтобы не возвращаться, на протяженіи 245 верстъ одною дорогою, мы вознамѣрились проѣхать вдоль Прута на Скуляны, и оттуда пробраться въ Кишеневъ черезъ лѣса, которыми зарощена внутренность горной Бессарабіи. Для того надлежало оставить въ Липканахъ нынѣшнюю почтовую дорогу и ѣхать старымъ береговымъ, теперь упраздненнымъ, трактомъ. Этимъ уклоненіемъ мы пріобрѣтали возможность осмотрѣть Бессарабію, въ ея сокровеннѣйшихъ изгибахъ, недоступныхъ любопытству простаго путешественника, но едва ли не самыхъ любопытнѣйшихъ.

Разстояніе между Липканами и Скулянами, прибрежной дорогой, можно положить во 120 верстъ. Мы проѣхали его ровно въ сутки. Здѣсь вглядѣлись мы ближе въ народную физіономію Молдаванъ. Большая дорога вездѣ вытираетъ родимыя пятна. Почтовая станція есть уже прививокъ всеуравнивающей цивилизаціи.

Нельзя не отдать справедливости румунскому простонародію: оно чище сохраняетъ въ себѣ признаки сліянія римской крови съ славянскою, чѣмъ высшій классъ, непосредственнѣе подвергавшійся вліянію турецкой атмосферы. Простой Молдаванъ не совсѣмъ заслуживаетъ названіе «тяжелаго», которымъ заклеймилъ его поэтъ. Онъ живъ и расторопенъ. Конечно, въ немъ нѣтъ той ухорской быстроты и ловкости, которою отличается велико россіянинъ. Но за то онъ вовсе не такой уваленъ и философъ, какъ малороссійскій хохолъ, тѣмъ болѣе не похожъ на бѣлоруса, заморенаго и забитаго мачихой Литвой, до уничтоженія всѣхъ признаковъ живаго, смыслящаго существа. Дѣло не кипитъ у него въ рукахъ, но и не валится изъ рукъ. Камышевая мазанка Молдавана отличается опрятностью и чистотой. Вы найдете ее тѣсноватою для помѣщенія цѣлаго семейства; но припомните, что здѣсь югъ, что работы домашнія исправляются подъ благодатнымъ небомъ на открытомъ воздухѣ, что Молдаване убираются въ свои хаты только на ночь. Главное украшеніе

внутренности хатъ составляютъ семейная постель и сундукъ, обыкновенно размалеванный разными красками и узорами, хранилище драгоцѣннѣйшихъ сокровищъ дома. Въ томъ семействѣ, гдѣ готовится приданое для подрастающей дочери, сундукъ этотъ ставится въ переднемъ углу, и на немъ возвышается, нерѣдко до самаго потолка, груда разноцвѣтныхъ ковровъ домашняго издѣлія, свидѣтельство и богатства и художества невѣсты. Вообще ковры составляютъ здѣсь главную домашнюю роскошь. Ими устилаются полъ и скамьи, замѣняющія наши лавки. Въ цвѣтахъ вкусъ народный имѣетъ пристрастіе къ полосатой пестротѣ. Костюмъ мужчинъ сбивается на казацкій. Женщины весьма близки къ хохлачкамъ. Я замѣтилъ, что здѣсь царствуетъ «понява», обыкновенный нарядъ нашихъ поселянокъ вплоть до Оки, за которою уже смѣняетъ ее сѣверный «сарафанъ»; и тогда припомнились мнѣ русскія пѣсни, обращающіяся донынѣ въ устахъ народа, гдѣ воспѣваются «молодицы, которыя ходятъ на Дунай рѣку полоскать понявы». Нѣтъ! не даромъ старики наши называли города волошскіе и болгарскіе «городами русскими»! Не даромъ Дунай рѣка осталась въ задушевныхъ воспоминаніяхъ всей Руси, отъ знойныхъ степей Черноморья до мерзлыхъ тундръ Сибири!...

Въ этой отдаленной глуши, рѣдко посѣщаемой проѣзжими, мы имѣли случай встрѣтить образецъ

румунскаго гостепріимства, неуступающаго русскому. Это было у одного помѣщика, г. Б — ско, настоящаго Румуна, впрочемъ долго бывшаго въ русской службѣ въ званіи окружнаго ясскаго исправника и имѣющаго русскій чинъ коллежскаго асесіора. Г. Б — ско, извѣстясь о нашемъ проѣздѣ, изготовилъ намъ ночлегъ въ своемъ домѣ, которымъ однако мы, за опасеніемъ ѣхать поздно въ темнотѣ, не могли воспользоваться. Тѣмъ настоятельнѣе просилъ онъ насъ утромъ заѣхать къ нему на завтракъ. Помѣщичій домъ, выстроенный уютно и красиво, находится на прелестномъ мѣстоположеніи возлѣ Прута. Хозяинъ прилежно занимается хозяйствомъ: разбиваетъ обширный садъ, разводитъ виноградныя плантаціи. На завтракѣ добрая хозяйка заподчивала насъ дульчецами всѣхъ цвѣтовъ и вкусовъ. Вино, добытое, по увѣренію хозяина, уже изъ собственныхъ лозъ, обильно цѣдилось въ стаканы: оно имѣло характеръ венгерскаго. Г. Б — ско, какъ и всѣ вообще туземцы, жаловался на морозы, которые какъ будто пришли сюда вмѣстѣ съ Русскими. Но пріемъ его былъ гораздо теплѣе обыкновенныхъ пріемовъ юга; и это скорѣй приписываю я непосредственному вліянію русскаго сѣвера. Радушіе этой хлѣбосольной четы истребило во мнѣ впечатлѣніе, произведенное тщетнымъ отыскиваньемъ угольевъ въ Липканахъ.

Другую пріятную встрѣчу имѣли мы съ г. Дж — ни, италіянцемъ, который управляетъ надпрутскимъ имѣніемъ одного богатаго бояра, пребывающаго въ Яссахъ. Почтенный старикъ никакъ не хотѣлъ допустить, чтобы мы проѣхали мимо его жилища, не посѣтивъ его. Погребъ, состоящій въ его завѣдываніи, также изобилуетъ домашними винами, съ цвѣтомъ и вкусомъ венгерскихъ.

Физіономія Прута здѣсь та же самая, какъ и ниже, между Кагуломъ и Леовомъ. Только горы здѣсь выше и долина у́же. Берегъ, которымъ мы ѣхали, усыпанъ курганами. Я особенно былъ пораженъ однимъ урочищемъ, гдѣ эти курганы столпились въ необычайномъ количествѣ. Это почти на половинѣ дороги между Липканами и Скулянами, уже въ Ясскомъ уѣздѣ. Убаюканный качаньемъ коляски, медленно двигавшейся по горамъ, я имѣлъ слабость вздремнуть. Вдругъ просыпаюсь, чувствуя, что лошади остановились, для смѣны. Я увидѣлъ себя запертымъ вокругъ густою фалангою кургановъ. Мѣстность урочища представляла величественнѣйшій ландшафтъ. Съ обѣихъ сторонъ горы сбѣгали въ долину высокимъ гребнемъ и, казалось, грозили запереть теченіе рѣки. Это были знаменитыя въ окрестностяхъ «Костештскія скалы», про которыя ходятъ въ народѣ любопытныя преданія. Вѣроятно, тутъ было не пусто и не просто во времена старыя. Бли-

жайшее селеніе выше скалъ называется донынѣ «Городищемъ». Самые курганы носятъ славяно-румунское имя «Сута-Моджиле», то есть «Сто Могилъ.»

Скуляны — мѣстечко, замѣчательное только тѣмъ, что здѣсь главное и единственное почтовое сообщеніе между Россіею и Молдавіею. Слѣдовательно, здѣсь карантинъ и таможня. Прутъ огибаетъ мѣстечко почти кругомъ. На другой сторонѣ рѣки молдавская часть Скулянъ, называющаяся тѣмъ же именемъ и принадлежащая одному и тому же помѣщику, котораго домъ красиво возвышается на самомъ темѣ горы, нависшей почти надъ Прутомъ съ молдавской стороны. Здѣсь, подъ горою, истреблены нѣкогда послѣдніе остатки возстанія, вспыхнувшаго противъ Турковъ въ Молдавіи подъ безсильнымъ руководствомъ Ипсилантія. Злополучныя жертвы, неуспѣвшія спастись на гостепріимный русскій берегъ, были всѣ перерѣзаны. Вопль ихъ вѣрно слышанъ былъ въ Яссахъ, которыя отсюда только 17 верстъ,

Почтовый трактъ отъ Скулянъ къ Кишеневу идетъ на Бѣльцы, черезъ станцію Фалешты. До Бѣлецъ считается 56 верстъ, слѣдовательно, до Кишинева — 176 верстъ. Прямой дорогой, черезъ горы, и ближе и интереснѣе. Здѣсь находится во первыхъ мѣсто поэтической кончины Потемкина, во вторыхъ бессарабская Ѳиваида, наполненная пустынными монашескими обителями.

Нашъ маршрутъ былъ расположенъ такъ, что проходилъ черезъ всѣ монастыри, мимо памятника, воздвигнутаго свѣтлѣйшему.

День склонялся къ вечеру, когда мы выѣхали изъ Скулянъ и начали подниматься въ горы. Долго ѣхали мы по Пруту, который не рѣдко подбѣгалъ подъ самую подошву прибрежныхъ холмовъ, такъ что мы могли видѣть въ струяхъ его отраженіе нашей коляски. Наступила ночь. Молодой мѣсяцъ выплылъ на ясное, безоблачное небо. Пустынная даль облилась фантастическимъ полусвѣтомъ. Съ горы на гору, изъ оврага въ оврагъ, мы достигли наконецъ густаго, дремучаго лѣса, сквозь который едва продиралось трепетное сіяніе золоторогаго свѣтила ночи. Лѣсъ еще не прекращался, какъ посреди деревьевъ засверкали огоньки, забѣлѣлись хижинки. То было селеніе Унцешты, разбросанное по лѣсистымъ бокамъ высокой горы. Чудное, очаровательное мѣстоположеніе! Огни горѣли то подъ нами, то надъ нами. Обманчивый свѣтъ луны увеличивалъ размѣры, возвышалъ до исполинскаго величія холмы, превращалъ овраги въ бездонныя пропасти. Долго тянулось селеніе, въ полномъ смыслѣ по горамъ и по доламъ. При концѣ его, обозначаемомъ церковью, мы остановились до утра.

Съ первыми лучами разсвѣта мы ужъ были опять въ дорогѣ. Я зналъ, что «памятникъ свѣтлѣйшаго» не далеко, и заранѣе настроивалъ свое

воображеніе къ мечтамъ и воспоминаніямъ. Но однообразный видъ пустынныхъ окрестностей и мѣрное колыханье тихо двигавшейся коляски были такъ усыпительны, что я невольно забылся въ нѣгѣ сладкой утренней дремоты. Вдругъ слышу: — «памятникъ! памятникъ!» — Открываю глаза. Мы съѣзжали на дно глубокой долины, пресмыкающейся у подножія крутой и высокой горы. Подъ нами скатывалась въ долину нагая степь. Противуположная гора вѣнчалась густымъ лѣсомъ, упиравшимся въ небеса. Солнце разгаралось всѣмъ блескомъ свѣжихъ утреннихъ лучей: голубой паръ поднимался прозрачнымъ пологомъ надъ косматою горою; гладкая пелена степи калась раззолоченою черезъ огонь. Въ этой пучинѣ свѣта едва мелькала одинокая стрѣлка, водруженная на одномъ изъ послѣднихъ уступовъ степнаго ската долины. То былъ пустынный памятникъ «великолѣпнаго князя Тавриды»!...

Въ благоговѣйномъ безмолвіи приблизились мы къ завѣтному мѣсту. Обелискъ, сложенный изъ дикаго камня, запечатлѣнъ строгою, благородною простотою. Подлѣ него домикъ, для сторожа памятника. Сѣдой, какъ лунь, инвалидъ, встрѣтившій насъ у подножія обелиска, служилъ еще при Потемкинѣ.

Такъ вотъ гдѣ кончилась дивная драма, имѣвшая позорищемъ своимъ полсвѣта! О! какъ высока поэзія дѣйствительности, поэзія чистой, на-

гой истины событій! Никакой Аріостъ не выдумаетъ поэмы, волшебнѣе жизни Потемкина! Никакой Шекспиръ не создастъ ничего торжественнѣе, ничего краснорѣчивѣе и глубокомысленнѣе, какъ смерть Потемкина!...

Назадъ тому сорокъ восемь лѣтъ, эта пустынная глушь внезапно оживилась. Вихремъ мчится по ней блестящая колесница. Она несетъ исполина, который одинъ, на мощныхъ раменахъ, держитъ судьбу этихъ горъ и степей, таитъ для нихъ въ глубинѣ своей души никому недовѣдомую будущность. Но взоръ путника страшно мутенъ; чело заклеймено печатью тяжкаго страданія. Погодите: все пройдетъ при видѣ юнаго Николаева, когда онъ, въ привѣтъ своему творцу, блеснетъ яркими очами колоссальныхъ своихъ рѣкъ, зашевелитъ мягкими кудрями новорождающихся рощъ, залепечетъ шумнымъ говоромъ веселъ и парусовъ въ новоучреждаемыхъ гаваняхъ... Но бѣгъ рьяныхъ коней вдругъ останавливается. Пестрый рой спутниковъ «великолѣпнаго князя» взволновался безмолвнымъ смятеніемъ. На щетинистомъ ковылѣ дикой степи торопливо стелютъ дорожный плащъ, и кладутъ умирающаго... Еще минута — и его не стало!... Свѣтлѣйшій князь Потемкинъ Таврическій — не существовалъ болѣе!.. *Мимоидохъ* — сказалъ бы мудрецъ христіанинъ — *и се не бѣ*!...

Звучно раздавался въ ушахъ моихъ вѣщій голосъ великаго поэта:

Но кто тамъ идетъ по холмамъ,
Глядясь, какъ мѣсяцъ, въ воды чорны?
Чья тѣнь спѣшитъ по облакамъ
Въ воздушныя жилища горны?
На темномъ взорѣ и челѣ
Сидитъ глубока дума въ мглѣ.

Какой чудесный духъ крылами
Отъ сѣвера паритъ на югъ?
Вѣтръ медленъ течь его стезями,
Обозрѣваетъ царства вдругъ:
Шумитъ, и какъ звѣзда блистаетъ,
И искры въ слѣдъ свой разсыпаетъ.

Чей трупъ, какъ на распутьѣ мгла
Лежитъ на темномъ лонѣ ночи?
Простое рубище чресла,
Два лепта покрываютъ очи;
Прижаты къ груди хладны персты,
Уста безмолвствуютъ отверсты!

Чей одръ — земля; кровъ — воздухъ синь;
Чертоги — вкругъ пустынны виды?...

Какъ точно угадана, какъ вѣрно очеркнута дикая пышность рамъ, вполнѣ достойныхъ великой картины!.. Потемкинъ не могъ выбрать лучше мѣста, гдѣ сложить съ себя дивную свою жизнь. Когда мы взъѣхали на вершину противулежащей

горы, я долго смотрѣлъ во глубину пропасти, гдѣ бѣлѣлся уединенный памятникъ. Вокругъ все пусто и тихо. Долина казалась огромною могилою, выкопанною для костей допотопнаго великана. Вдали, Унцештская церковь плавала серебрянымъ лебедемъ въ лазурной влагѣ небесъ: чуткое эхо разносило по степи утренній звонъ колокола, протяжный и унылый, какъ надгробное пѣніе. Еще далѣе, синѣлись верхи молдавскихъ горъ, сопровождающихъ теченіе Прута: онѣ курились прозрачнымъ дымомъ утреннихъ паровъ, точно заупокойнымъ ѳиміамомъ по душѣ усопшаго. Спи въ мирѣ, могучій!

Героевъ нѣтъ! Но ихъ дѣла
Изъ мрака и вѣковъ блистаютъ;
Нетлѣнна память, похвала,
И изъ развалинъ вылетаютъ;
Какъ холмы, гробы ихъ цвѣтутъ:
Напишется Потемкинъ трудъ!...

Въ Тимелеуцахъ, небольшомъ селеніи уже Кишеневскаго уѣзда, отстоящемъ отъ «памятника» только 7 верстъ, встрѣтили мы проводниковъ, высланныхъ изъ Кишенева благосклонною внимательностью начальника области. Дикое величіе природы возвышалось съ каждымъ шагомъ внутрь горъ. Нерѣдко волы смѣняли безсильныхъ коней въ нашей колескѣ. Проѣхавъ часа три, мы поднялись на одинъ высокой гребень и очутились

въ густотѣ маститаго лѣса колоссальныхъ дубовъ. Чистота и порядокъ, царствующіе въ этой величественной дубравѣ, изобличали призоръ просвѣщеннаго хозяйства. То была принадлежность гиржавскаго монастыря, куда мы направляли путь свой.

Гора начала опускаться еще въ лѣсу, и опускалась очень долго. Наконецъ мы увидѣли миленькую, чистенькую долинку, выстланную роскошною зеленью, прозолоченною по мѣстамъ благодатнымъ золотомъ нивъ. Я искалъ глазами обители. Ничего не было видно. Вдругъ глубокая тишина, царствующая въ этомъ мирномъ пріютѣ, одушевилась. Изъ чащи деревьевъ, сбѣгающихъ до самаго дна долины, раздался звонъ колоколовъ. По древнему обычаю православнаго востока, обитель праздновала прибытіе гостей, пришельцевъ изъ шумнаго міра въ ея тихое уединеніе. Неизъяснимо впечатлѣніе, произведенное этимъ внезапнымъ говоромъ безмолвной пустыни. Подъ вліяніемъ чувствъ торжественныхъ и благоговѣйныхъ, вступили мы въ священную ограду монастыря, покоющагося у подошвы оставленной нами горы, въ самомъ крайнемъ уголкѣ долины.

Настоятель обители ожидалъ насъ у гостепріимнаго порога келей, назначенныхъ собственно для посѣтителей.

Гиржавскимъ монастыремъ Бессарабія можетъ гордиться по справедливости. Много видѣлъ я

обителей на безмѣрномъ пространствѣ православнаго нашего отечества, въ благочестивой, святой Руси: обителей безпримѣрныхъ по великолѣпію зданій, по богатству украшенія, по изобилію драгоцѣнныхъ сокровищъ. Уединенная гиржавская пустынь не можетъ состязаться съ ними въ пышности и величіи; но за то она имѣетъ на своей сторонѣ безпримѣрную прелесть простаго, кроткаго, и съ тѣмъ вмѣстѣ обворожительнаго изящества. Монастырь представляетъ родъ круга, сомкнутаго изъ келей. Эти кельи состоятъ изъ красивыхъ, бѣлыхъ какъ снѣгъ домиковъ, подчиненныхъ стройной симметріи, но безъ утомительнаго однообразія. Въ серединѣ круга находится церковь. Она не велика; стиль архитектуры самый простой; внутреннее расположеніе и убранство въ обыкновенномъ греко-россійскомъ вкусѣ. Но все это служитъ къ возвышенію ея достоинства: потому что ставитъ ее въ совершеннѣйшей соотвѣтственности съ характеромъ и физіономіею обители, для которой она служитъ и внѣшнимъ и внутреннимъ средоточіемъ. Я не понимаю италіянской капеллы внутри православнаго греческаго монастыря; по мнѣ, и громадныя главы, облитыя золотомъ, не совсѣмъ идутъ для скромнаго отшельническаго скита. При настоятельскихъ кельяхъ, находящихся противъ храма, устроена другая церковь, еще меньше, еще проще: здѣсь совершается вседневная служба для братіи. Дворъ монастыря содержит-

ся въ благообразной чистотѣ. Передъ всѣми кельями устроены фонари: они зажигаются въ темные вечера; и тогда внутренность обители опоясывается огнями, блескъ которыхъ, сосредоточиваясь на бѣлоснѣжныхъ стѣнахъ храма Божія, возжигаетъ изъ него священный Фаросъ единственнаго путеводительнаго свѣта во мглѣ земной жизни. Все такъ просто, и все такъ прекрасно. Но картина не ограничивается одними зданіями. Монастырь, какъ сказано уже, находится у подошвы горы. Эта гора вычищена и воздѣлана подъ превосходный садъ, взбѣгающій колоссальною лѣстницею до самой ея вершины. Здѣсь только неутомимый трудъ могъ такъ побѣдоносно восторжествовать надъ дикимъ величіемъ природы. Прелестныя дорожки извиваются золотыми лентами по крутымъ ребрамъ гигантскаго холма. Группы благовоспитанныхъ деревьевъ, перевитыя гирляндами роскошныхъ цвѣтниковъ, горделиво переглядываются съ мохнатыми дикарями, отброшенными за завѣтную межу, сторожить своими широколиственными сѣнями похищенную у нихъ область. Вода, захваченная на утесахъ плотинами, образуетъ глубокіе пруды, которые висятъ одинъ надъ другимъ, словно крупныя зерна алмазной цѣпи на груди исполина. Тамъ брызжетъ кудрявый фонтанъ, играя на лучахъ солнца всѣми переливами радуги; здѣсь, подъ непроницаемою тѣнью густой аллеи, живой ключъ заполоненъ въ

каменную скорлупу молчаливаго студенца. Уединенные павильоны, прибѣжища отдыха и размышленія, то скрываются въ чащѣ деревьевъ, то выбѣгаютъ на площадки, образуемыя пересѣченіемъ аллей. Вершина сада увѣнчана виноградными плантаціями. Тамъ, въ сосѣдствѣ неба, опирающагося на косматый гребень горы, въ удаленіи отъ послѣдняго пріюта въ земной юдоли, оставшагося глубоко подъ ногами, какъ долженъ быть сладокъ трудъ для труженика, ввѣряющаго нѣжную лозу жесткому утесу съ тѣмъ же терпѣніемъ и съ той же надеждою, съ какими душа воздѣлывается и осѣменяется въ благодатную ниву вѣчности! Но я утомлю васъ описаніемъ, и все не напишу полной, удовлетворительной картины. Надо видѣть, чтобъ постигнуть вполнѣ очаровательную красоту этой пустыни, превращенной въ эдемъ подъ сѣнью креста, одной только силой непоколебимаго самоотверженія.

Обитель гиржавская, въ настоящемъ своемъ видѣ, есть созданіе нынѣшняго ея настоятеля, отца архимандрита Спиридона Филиповича. Двадцать слишкомъ лѣтъ своего пребыванія здѣсь, онъ посвятилъ исключительно и единственно ея преображенію. Подъ именемъ монастыря онъ получилъ въ управленіе нѣсколько развалившихся мазанокъ съ ветхою деревянною церковью, едва прикрытою истрескавшимся дерномъ. Подобно

многимъ молдавскимъ монастырямъ, здѣсь не было ни братіи, ни священнослуженія. Земля монастырская, какъ оброчная статья, оставалась и съ монастыремъ на откупъ, кто больше заплатитъ. Такъ дѣлается и донынѣ въ княжествахъ. Отецъ Спиридонъ явился сюда съ широкой сцены. Родомъ изъ Черной горы, онъ рано вступилъ въ монашество, но на первомъ шагу схваченъ бурею, умчавшею его въ самое кипучее жерло покинутаго свѣта. Тогда вся Европа мутилась, волнуемая дыханіемъ Наполеона. Колебаніе проникло и въ неприступныя ущелья Черной горы. Отецъ Спиридонъ, преданный Россіи, какъ всѣ его одноземцы и одноплеменники, оставилъ свою отчизну на корабляхъ Сенявина. Съ тѣхъ поръ началось его странствованіе по Европѣ, сопровождаемое важными заботами. Онъ посѣтилъ почти всѣ ея столицы: былъ зрителемъ, и неравнодушнымъ, всѣхъ потрясавшихъ ее переворотовъ. Грудь его увѣшана крестами, свидѣтельствами его постояннаго и неусыпнаго усердія къ святой Руси. Когда вѣнскій миръ успокоилъ Европу, отецъ Спиридонъ получилъ себѣ пріютъ въ Бессарабіи съ щедрымъ вознагражденіемъ отъ милостей русскаго Царя. Здѣсь онъ самъ выбралъ себѣ Гиржавку, вполнѣ оправдывавшую свое названіе, полученное будто бы отъ одного молдавскаго князя, который «заржавѣлъ», то есть, извелся въ этомъ захолустьѣ, стѣсненный Татарами.

Весьма понятно, что душа, привыкшая къ напряженной дѣятельности, искала не отдыха, но продолженія работы: ей нуженъ былъ предметъ; и этимъ предметомъ сдѣлалась Гиржавка. Отецъ Спиридонъ создалъ свою обитель непрерывными, неусыпными трудами. Онъ отвоевалъ ее у дикой, пустынной природы, мужественною борьбою. Я понимаю и тягость и сладость этой борьбы. И теперь бодрый старецъ, любуясь дѣломъ рукъ своихъ, не перестаетъ трудиться надъ его усовершенствованіемъ. Мнѣ очень понятны его мудрыя слова: — «Я долго думалъ, говорилъ онъ, съ чего начать мнѣ свои работы: съ зданій ли монастыря, или съ сада? Наконецъ, рѣшился съ сада. Еслибъ я сначала выстроился, то зданія развалились бы, прежде чѣмъ я выростилъ бы для нихъ тѣнь. Садъ выросъ; и монастырь, съ Божіею помощію, явился!» — Истинно такъ! Начинать должно съ труднѣйшаго: тогда только можно насладиться вѣрнымъ успѣхомъ.

Сладко бесѣдовали мы съ старцемъ, не утомленнымъ еще лѣтами. По странной игрѣ случая, онъ нашелъ (разумѣется, не во мнѣ) стараго знакомца, съ которымъ назадъ тому двадцать слишкомъ лѣтъ жилъ вмѣстѣ въ Вѣнѣ. Прошедшее оживилось въ его памяти. Огонь молодости вспыхнулъ изъ подъ серебрянаго пепла. О драгоцѣнныя воспоминанія прекрасныхъ юношескихъ лѣтъ, ихъ цвѣточныхъ связей, ихъ радужныхъ впечат-

лѣній! Пока въ сердцѣ останется хоть одна непорванная струна, она всегда отзовется вамъ звучнымъ, сладостнымъ трепетаніемъ! —

Мы были на монастырской вечернѣ. Служба производится на двухъ языкахъ: славянскомъ и румунскомъ: на одномъ крылосѣ поютъ по славянски, на другомъ по румунски. Кромѣ насъ, въ церкви не было никого изъ мірянъ. Въ числѣ братіи находился дряхлый старикъ, инвалидъ, сражавшійся еще при Кагулѣ. Думалъ ли онъ, что старость его обрѣтетъ себѣ покой тамъ, гдѣ лютая смерть угрожала его юности, что тамъ, гдѣ русская кровь лилась потоками, тамъ будетъ славословиться русскій Богъ мирнымъ пѣніемъ голосовъ русскихъ?...

Сутки провели мы въ Гиржавкѣ, подъ гостепріимнымъ кровомъ обители. Въ избыткѣ радущія, отецъ-настоятель угощалъ насъ истинно по русски. Надобно сказать, въ новое доказательство его ума и вкуса, что кельи, назначенныя для посѣтителей, отдѣланы имъ со всѣми удобствами и даже съ роскошью. Обширная стеклянная галерея, открытая въ садъ, назначена для трапезы, которую радушный хозяинъ самъ раздѣлялъ съ нами. Не смотря на раннее время, явились вкусные плоды собственнаго монастырскаго произрастенія. Столъ обремененъ былъ постными кушаньями безчисленныхъ сортовъ, приготовленными изъ рыбы, разведенной въ садовыхъ прудахъ.

На другой день едва вырвались мы отъ ласковаго хозяина, упрашивавшаго погостить у него подолѣе, и, напутствованные искренними благословеніями, опять при звонѣ колоколовъ, пустились въ дальнѣйшую дорогу.

Ближайшій къ Гиржавкѣ монастырь называется Гырбовецъ, или, по русскому произношенію, Гербовецъ. Это обитель русская, въ которой богослуженіе совершается на славянскомъ языкѣ. Церковь, довольно красивой архитектуры, воздвигнута уже подъ русскимъ владычествомъ, по благословенію экзарха Гавріила. Послѣднее землетрясеніе нанесло ей жестокіе удары, оставило широкіе рубцы на ея стѣнахъ и сводахъ. Но, символъ необоримаго мужества, она стоитъ твердо, не переставая собирать въ свои нѣдра иноковъ на славословіе Господа. Монастырь управляется архимандритомъ, изъ русскихъ.

Изъ Гырбовца переѣхали мы въ Речулу, обитель женскую. Здѣсь начиналась литургія. Игуменья съ старѣйшими сестрами встрѣтила насъ у порога церкви съ освященнымъ хлѣбомъ. Мы вошли въ церковь. Богослуженіе и здѣсь совершалось по русски, но съ рѣзкимъ удареніемъ малороссійскаго выговора. Церковь, ветхое, деревянное зданіе, не блистала украшеніями, напротивъ представляла образецъ патріархальной простоты, евангельскаго убожества. Кромѣ священника, во всемъ храмѣ не было ни одного мужескаго лица:

по восточному обычаю, сами сестры служили ему при священнодѣйствіи, сопровождали его на выходахъ, съ свѣтильниками и кадильницами. Этотъ день былъ Троицкая суббота, посвящаемая, какъ извѣстно, воспоминанію усопшихъ. Передъ окончаніемъ литургіи, священникъ вышелъ въ притворъ для совершенія вселенской панихиды. И вотъ раздались имена Петра I, Петра II, Петра III, Екатерины, Александра, на которыя хоть пустынножительницъ откликнулся «вѣчною памятью». Какое дивное превращеніе судебъ! Здѣсь, въ сосѣдствѣ Прута, этой роковой рѣки для исполина Петра, во глубинѣ отдаленныхъ горъ, куда имя другихъ Петровъ едва ли и достигало, на землѣ вражьей для Александра и Екатерины, память ихъ увѣковѣчивается теперь въ признательныхъ, единодушныхъ молитвахъ! Крѣпки и неразрушимы узы, связывающіе отнынѣ этотъ край съ матерью Русью: они запечатлѣны благословеніемъ церкви, предъ лицемъ Бога! — Речульская пустынька такъ уединенна и такъ рѣдко посѣщается, что наше явленіе было здѣсь эпохою. По окончаніи обѣдни, настоятельница съ такимъ усердіемъ просила насъ навѣстить ея келью, что мы не имѣли силъ отказаться. Мы вошли въ маленькій, низенькій домикъ, ничѣмъ не отличающійся отъ другихъ хижинокъ, толпящихся вокругъ церкви. По обычаю края, намъ предложили дульчену, съ чистою, холодною водою изъ горныхъ клю-

чей. Всѣ сестры провожали пасъ до воротъ обители съ благословеніями.

Слѣдующій мужскій монастырь Формошика вполнѣ оправдываетъ свое имя, означающее «красоту». Онъ дѣйствительно находится на прекраснѣйшемъ мѣстоположеніи. Монастырь этотъ уже чисто молдаванскій. Почтенный игуменъ встрѣтилъ пасъ также у дверей церкви. Обѣдня отошла: діаконъ прочелъ только краткую литію, съ провозглашеніемъ многолѣтія августѣйшему Императорскому Дому, на румунскомъ языкѣ; а священникъ осѣнилъ пасъ привѣтнымъ знаменіемъ креста. Церковь здѣсь также деревянная, но величественная и благолѣпная. За нѣсколько дней до нашего прибытія, она ознаменована была чуднымъ явленіемъ. Въ самый день праздника св. Николая Чудотворца, 9 мая, страшная гроза разразилась надъ монастыремъ. Молнія пала на церковь, и ея огненная струя пробѣжала змѣею по иконостасу, оставивъ рѣзкіе слѣды на мѣстной иконѣ св. Николая, но безъ всякаго вреда лику угодника. Пелена, покрывавшая налой середи церкви, вспыхнула. Храмъ былъ пустъ; но огонь тотчасъ былъ замѣченъ и затушенъ, не произведя дальнѣйшихъ поврежденій. Игуменъ Формошики есть благочинный смотритель всѣхъ молдаванскихъ монастырей въ Бессарабіи. Природный Румунъ, онъ говорилъ однако и по русски. Мы также посѣтили его келью; и когда отправились

въ дальнѣйшій путь, добрый старецъ самъ далъ первый знакъ къ прощальному, напутственному звону, сопровождавшему насъ своимъ эхомъ далеко по пустынѣ.

За крутою, высокою горою, въ ущельѣ, исполненномъ дикаго величія, покоится обширный женскій монастырь Таборъ. Это названіе дано ему потому, что здѣсь былъ нѣкогда пріютъ, «таборъ» христіанскихъ бѣглецовъ, искавшихъ убѣжища отъ Татаръ въ сокровеннѣйшемъ и неприступнѣйшемъ нѣдрѣ горъ. Въ самомъ дѣлѣ природа воздвигла здѣсь грозные, непреодолимые оплоты, изъ враговъ и холмовъ, покрытыхъ густыми лѣсами. Монастырь былъ прежде мужской. Онъ сохраняетъ до сихъ поръ чистый молдаванскій характеръ. Ликъ монахинь, предводительствуемыхъ настоятельницею, ввелъ насъ въ церковь съ духовною пѣснію на румунскомъ языкѣ. Церквей въ обители двѣ: обѣ деревянныя, дубовыя, нескудныя внутреннимъ украшеніемъ. Вообще обитель запечатлѣна сановитостію и благообразіемъ. Она заключаетъ въ себѣ до двухъ сотъ отшельницъ; и, въ числѣ ихъ, дочерей и сестръ знатнѣйшихъ боярскихъ фамилій. Въ кельяхъ настоятельницы устроена была для насъ гостепріимная трапеза. Къ сожалѣнію, не умѣя по молдавски, мы не могли вполнѣ насладиться бесѣдою почтенной старицы, келья которой украшается, между прочими утварями благочестивой

иноческой жизни, и книгами! Даже священникъ и дьяконъ, находящіеся при монастырѣ, не могли служить намъ переводчиками: они тоже говорили только по молдавски. Здѣсь замѣтилъ я одну особенную черту молдаванскаго обряда: всѣ священнослужители бѣлаго духовенства носятъ на головахъ монашескія камилавки, отличая ихъ только цвѣтною узенькою оторочкою, которая у высшихъ сановниковъ, то есть, протоіереевъ, вышивается разными шелками и золотомъ.

Послѣдній видѣнный здѣсь нами монастырь называется Курка. Это монастырь мужской, смѣшанный. Настоятельство его ввѣрено инспектору кишиневской духовной семинаріи, который потому не живетъ здѣсь. Мы отслушали вечерню, и потомъ приглашены были казначеемъ въ игуменскія кельи для отдыха. Здѣсь я былъ пораженъ пріятнымъ удивленіемъ, встрѣтивъ на стѣнѣ портретъ бывшаго настоятеля обители, съ которымъ еще недавно имѣлъ случай встрѣтиться, далеко отсюда, на другомъ концѣ Россіи, во глубинѣ сѣвера.... Нынѣшняя каменная церковь Курка выстроена на мѣстѣ деревянной, основанной еще въ 1666 году усердіемъ бояра, котораго надгробный камень сохраняется въ монастырѣ донынѣ.

Отсюда мы выѣхали въ Пересѣчени на большую почтовую дорогу.

Такъ кончился этотъ достопамятный периплъ нашъ по бессарабской пустынной Оиваидѣ. Я вспомнилъ, что назадъ тому ровно годъ, въ этотъ самый день по церковному кругу, то есть, наканунѣ Троицы, судьба привела меня совершить подобное благочестивое пилигримство въ другой противоположной странѣ безпредѣльной Россіи. Это было на равно пустынныхъ берегахъ Свири. Проѣзжая черезъ Ладейное-Поле, уѣздный городъ олонецкой губерніи, я съ удивленіемъ замѣтилъ густыя толпы странниковъ, направляющихся въ одну сторону. Мнѣ сказали, что они всѣ идутъ въ знаменитую обитель Александра Свирскаго, гдѣ этотъ день, навечеріе Троицы, празднуется особымъ, великолѣпнымъ торжествомъ, пренесеніемъ мощей угодника изъ храма въ храмъ, или, лучше, изъ монастыря въ монастырь, такъ какъ обитель Свирская раздѣляется на два смежные монастыря, старый и новый. Я поспѣшилъ присоединиться къ потоку богомольцевъ. Конечно, тамъ другая картина, другая природа, другіе люди, другія впечатлѣнія и воспоминанія. Но одна вѣра, одна мысль, одинъ духъ, тамъ воздвигли великолѣпныя громады среди мшистыхъ тундръ и сыпучихъ песковъ, здѣсь усыпали ребра горъ и вертепы удолій смиренными хижинами. Ихъ вѣнчаетъ тотъ же крестъ; онѣ оглашаются тѣми же молитвами. О святая, благословенная Русь! Да сохранится на твоемъ неизмѣримомъ пространствѣ

во вѣки это священное согласіе, исповѣдующее единымъ сердцемъ и едиными устами славу единаго Бога! —

Эту ночь мы провели въ Кишиневѣ. Но на другой день, чѣмъ свѣтъ, отправились снова въ путь. Намъ хотѣлось въ великій праздникъ отслушать обѣдню въ монастырѣ, уединенномъ отъ видѣнныхъ на канунѣ, который отличается еще тѣмъ, что принадлежитъ Святой горѣ, есть «метохъ», то есть, достояніе, аѳонской обители, именуемой Зографъ, откуда насылается въ него и братія.

Монастырь этотъ находится верстахъ въ 30 отъ Кишинева, во глубинѣ лѣсовъ. Онъ называется Кипріана, вѣроятно, по имени своего основателя. Съ трудомъ добрались мы до него, по горамъ и по доламъ, вспрыскиваемые безпрестанно набѣгавшими тучками. Обѣдня уже была на концѣ, когда мы пріѣхали. Послушникъ ходилъ вокругъ церкви, стуча въ деревянную доску, которую носилъ въ рукахъ: это было не что иное, какъ «ударепіе въ било», такъ часто упоминаемое въ церковномъ уставѣ, но въ Россіи не вошедшее въ употребленіе; теперь имъ давался знакъ, что начинается вечерня, которая, какъ извѣстно, въ Троицынъ день слѣдуетъ непосредственно за обѣдней. Мы вошли въ церковь, красивой, даже изящной наружности, хотя и небольшую. Самъ игуменъ священнодѣйствовалъ. Какое необычайное

смѣшеніе звуковъ поразило нашъ слухъ! Игуменъ служилъ по славянски; но на правомъ крылосѣ пѣли по гречески, на лѣвомъ по молдавански; священникъ, служившій вмѣстѣ съ игумепомъ, также по молдавански давалъ возгласы и читалъ молитвы, слѣдовавшія по церковному чину. Одно и то же священнодѣйствіе совершалось вдругъ на трехъ разныхъ языкахъ! Не возможно изобразить впечатлѣнія, произведеннаго на насъ этимъ сліяніемъ разноязычныхъ звуковъ въ одинъ хоръ, въ одну сыновнюю бесѣду съ небеснымъ Отцемъ; особенно въ великій день, посвященный воспоминанію изліянія огненныхъ языковъ на священныя главы апостоловъ, обреченныхъ проповѣдать животворящее слово Божіе всѣмъ языкамъ? Никогда торжественнѣй и краснорѣчивѣй не звучала для меня пѣснь, воспѣваемая въ этотъ день церковью: «Въ то время, какъ Вышній смѣшалъ языки, народы раздѣлились; но, по ниспосланіи пламенныхъ языковъ, они снова призваны въ соединеніе!» Да! въ соединеніе, въ вѣчное, неразрушимое соединеніе! То, что разрушилъ Вавилонскій столпъ, сооружаемый страстями, возстановлено въ Сіонской горницѣ, освященной вѣрою и молитвою. Люди, имѣвшіе одинъ языкъ и одни уста, но потерявшіе внутреннее единство мысли и чувства подъ ненавистнымъ вліяніемъ эгоизма, перестали понимать другъ друга; настало снова царство любви, и вѣстники ея заговорили

всѣми языками, и всѣ ихъ поняли! Чудо продолжается въ таинственномъ единствѣ Церкви, основанной проповѣдниками единаго Слова на всѣхъ нарѣчіяхъ. Вотъ передъ нами звучали три языка; но они возвѣщали одну истину, пробуждали одну мысль, одно чувство: всякой языкъ исповѣдывалъ славу Тріединаго!

Кипріана принадлежитъ Зографскому Свято-Горскому монастырю съ 1698 года, какъ свидѣтельствуетъ жалованная грамата за собственноручнымъ подписаніемъ Іо Антіоха Константина, господаря молдавскаго. Но обитель существовала гораздо раньше. Въ ней сохраняется рукописное славянское евангеліе, богато украшенное, съ надписью на кованомъ вызолоченномъ окладѣ, что оно устроено въ этотъ самый монастырь господаремъ Іоанномъ Петромъ, 7053, то есть, 1545 (по Р. Х.) года. Слѣдовательно, монастырь уже процвѣталъ въ началѣ XVI столѣтія. Въ жалованной Зографскому монастырю граматѣ значится, что обитель Кипріана отдается ему по причинѣ запустѣнія и сиротства «отъ нерадѣнія и злаго устроенія живущихъ въ ней лѣнивыхъ и непотребныхъ Богу и человѣкамъ (власкихъ, то есть, волошскихъ) калугеровъ». На Зографскій монастырь возлагалась надежда, что онъ исправитъ и прекратитъ зло, какъ то было уже имъ доказано въ принадлежавшемъ ему въ Молдавіи Добровецкомъ монастырѣ: грамата особенно распростра-

няется о томъ, что иноки его «суть Сербы и Болгаре, цѣломудренные и добрые строители святой церкви». Въ смутахъ, предшествовавшихъ присоединенію Бессарабіи къ Россіи, права, дарованныя этою граматою, затерялись. Монастырь Кипріана отошелъ въ завѣдываніе кишиневскаго архіепископскаго дома; и экзархъ Гавріилъ, любившій особенно его уединеніе, устроилъ въ немъ нынѣшнюю прекрасную церковь съ большимъ домомъ для своего пребыванія. Уже нынѣ царствующій Государь Императоръ возвратилъ Свято-Горскому монастырю его достояніе со всѣми правами собственности. Для совершенія службы и управленія обширными имуществами, Зографская обитель присылаетъ сюда иноческую колонію, состоящую нынѣ изъ игумна и двухъ братовъ, которая только въ отношеніи къ церковному благочинію находится подъ надзоромъ мѣстнаго епархіальнаго начальства.

Нынѣшній игуменъ, отецъ Иларіонъ, родомъ изъ Болгаръ. Онъ очень хорошо говоритъ по русски, и преданъ Россіи всею душею. Съ какимъ сердечнымъ радушіемъ принялъ онъ насъ! Съ какимъ восторгомъ бесѣдовалъ о величіи, о силѣ, о благочестіи святой Руси! Съ какимъ религіознымъ благоговѣніемъ произносилъ августѣйшее имя русскаго Царя, священнѣйшее и любезнѣйшее для православнаго востока! «Мы, говорилъ онъ, и въ Святой горѣ на всякой молитвѣ по-

минаемъ Николая: на свѣтѣ одинъ православный царь!» По обычаю Святой горы, онъ благословилъ начало и конецъ предложенной намъ трапезы особенными молитвами, съ присовокупленіемъ многолѣтія православному Царю и царству. Мы имѣли случай замѣтить здѣсь и другой святогорскій обычай, очень замѣчательный. Во время нашего обѣда, набѣжала гроза: игуменъ далъ приказаніе, и тотчасъ зазвонили въ колокола. «Такъ дѣлается въ Святой горѣ, сказалъ старецъ, для призванія братіи къ совокупной молитвѣ объ отвращеніи гнѣва Божія.» Ученый Араго замѣчаетъ, что такой же обычай существуетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Франціи, завѣщанный благочестивою стариною.

Для полноты священной географіи Бессарабіи, слѣдовало бы еще посѣтить обители, лежащія въ восточной ея части, по Реуту и Днѣстру, въ кишиневскомъ, ясскомъ и сорокскомъ уѣздахъ. Они, говорятъ, имѣютъ особенную физіономію; потому что состоятъ изъ пещеръ, изсѣченныхъ въ прибрежныхъ скалахъ. Но мы не могли долѣе располагать временемъ. Надо было спѣшить домой. Въ тотъ же день воротились мы въ Кишиневъ, и пробыли тамъ только нѣсколько часовъ. Подъ вечеръ, коляска наша уже мчалась по дорогѣ въ Бендеры, пролегающей долиною рѣки Быка.

Между Кишиневомъ и Бендерами одна станція Цинцирени, отъ Кишинева въ $28^1/_2$, отъ Бендеръ ровно въ 28 верстахъ. Мы проѣхали ночью мимо знаменитой крѣпости Бендеръ, называющихся по молдавски «Тигино»; ночью переправились черезъ Днѣстръ, протекающій подъ самыми стѣнами твердыни, и промчались черезъ Тирасполь, отстоящій отъ ней только 12 верстъ. День засталъ насъ на степи, отдѣляющей Тирасполь отъ Одессы. Благодаря быстротѣ новороссійскихъ почтъ, мы проскакали въ нѣсколько часовъ пространство $163^1/_2$ верстъ. Вечеромъ, 15 мая, черезъ шестьнадцать дней послѣ нашего выѣзда изъ Одессы, я уже отдыхалъ на берегу Чернаго моря, въ прелестномъ хуторѣ Ришельёвскаго лицея. Вмѣстѣ со мной отдыхала и природа. Море едва колебалось. Полная луна, задернутая легкимъ покрываломъ облаковъ, наводила матовый серебряный блескъ на свинцовую поверхность безбрежныхъ волнъ. Всѣ образы теряли свой очеркъ и обличіе. Душа готова была предаться исключительно себѣ, послѣ столькихъ разнообразныхъ впечатлѣній. Но вокругъ меня играла жизнь. Черный утесъ берега горѣлъ яркими огнями. Деревья качались одушевленными люстрами. Звуки веселой музыки торжествовали надъ глухимъ, однообразнымъ ропотомъ волнъ. Пестрыя тѣни кружились въ вихрѣ кипучаго вальса... Я забылся — забылъ про все — забылъ про Бессарабію — какъ будто вовсе

не выѣзжалъ изъ Одессы, тѣмъ менѣе пролетѣлъ въ двѣ недѣли около тысячи трехъ сотъ верстъ...

Н. НАДЕЖДИНЪ.